

Станислав Миллер

A person is seen from behind, walking away down a dark, narrow street. The street is lined with tall, multi-story buildings. The atmosphere is dark and foggy, with a bright, glowing light source at the end of the street, creating a strong silhouette effect. The person is wearing a dark jacket and pants. The overall mood is mysterious and somber.

ЧЕРНОВЕД

СВЕЖАЯ КРОВЬ

Черновед

Станислав Миллер

Черновед. Свежая кровь

«Автор»

2023

Миллер С.

Черновед. Свежая кровь / С. Миллер — «Автор»,
2023 — (Черновед)

Давно забытые страхи пробуждаются... Известный рок-музыкант приходит в ужас от вида высоты. Успешная бизнес-леди паникует в присутствии людей. Бывшего бродягу преследуют обезумевшие животные, а студентка факультета психологии спасается бегством от оживших мертвецов. Спасение от смертельных фобий способен принести лишь опытный черновед – представитель тайной и сложной профессии. Однако бороться ему предстоит не только с потусторонними силами...Изображение к обложке создано при помощи Leonardo.ai и доработано автором.

Содержание

Глава 1. Старые новые страхи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Станислав Миллер

Чернове́д. Свежая кровь

Глава 1. Старые новые страхи

*Из зеркала смотрит на меня
Потускневший, серый «я»
Группа «Частицы пыли». Песня «Отражение»*

1

Стены «Пожарский Холл» вибрировали от ритмичной рок-музыки и дружного топота. Свет прожекторов моргал в такт напористому припеву. В воздухе витала смесь запахов табака, алкоголя и пота. Главная сцена была хорошо известна многим певцам, танцорам и стендап-комикам, но сегодня на ней зажигали «Частицы пыли».

Концерт группы приближался к финальной точке. Александр Пепеляев, более известный как «Пепел», прорычал в микрофон последнюю строчку песни и победоносно вскинул руку вверх. Лось ударил по струнам, Лира – по тарелкам. Толпа взревела в едином порыве.

Футболка Пепла потяжелела от пота, ноги дрожали, в горле словно бритва застряла, но он все равно был доволен. Неплохо вышло. Очень неплохо. Со стороны выступления «Частиц пыли» казались сумасшедшей импровизацией, хотя на самом деле все эти прыжки, выкрутасы с гитарой или петли барабанщицы превратились в хорошо заученную рутину. Иной раз откровенно приевшуюся. Но только не сегодня. Сегодня они отработали на чистой эйфории, скользившей по воздуху, как травяная пыльца в ветреный день. Чихач и Лира выдали безупречную, слаженную работу ритм-секции. Лось скакал точно заведенный даже во время соляков. В середине четвертой песни с гитары сорвался ремень, но Лось сделал вид, что так и задумано. Ни на секунду не сбился. И Пепел не подкачал – проорался как следует. Если завтра горлу настанет хана, он ничуть не пожалеет. И кого волнует завтрашний день, когда впереди главный номер сет-листа?

– Ну что, на этом закачиваем, ребята? – Ухмыльнувшись, Пепел направил микрофон в зал.

– Не-е-ет! – взревела толпа.

Он знал ответ. Но всегда можно подогреть народ еще немного.

– Не слышу энтузиазма! Давайте-ка погромче! Разорвем зал!

На этот раз толпа редела столь громко и долго, что стены клуба наверняка дали трещину.

– Вот это супер! Вы лучшие! Что ж, исполним для вас контрольную песню. Ту, которую вы так долго ждали. Название угадали? – Пепел склонился над микрофоном, закрыл глаза. – Назло. Всему. Миру.

Лось пробежал пальцами по струнам, заставив гитару выдать минорную, спокойную мелодию, которая парой секунд позже обернулась лавиной драйва. Чихач и Лира погрузили поклонников в безудержный ритм. Но главная роль, безусловно, принадлежала Пеплу. Только он мог вложить искреннюю боль и отчаяние в куплеты, и будоражащую надежду – в припев. Только исполненные его голосом строчки пронзали сердца фанатов. Он обожал «Назло всему миру», пусть исполнял ее не первую сотню раз. Есть вещи, которые просто не могут надоесть.

После двух куплетов и припевов Лось затянул длинное мелодичное соло. В задней части сцены вздернулись пировспышки. Фанаты знали, что к чему, поэтому в едином порыве подняли руки. Самые ярые пытались перекричать музыку: «Давай, Пепел» или «Мы ждем тебя!»

С первого исполнения «Назло всему миру» Пепел устраивал крауд-серфинг – прыгал в толпу, позволяя нести себя, куда судьбе угодно. Обычное для рок-музыкантов явление переросло в фирменный трюк «Частиц пыли». Пепел прыгал в крутых клубах и сомнительных кабаках. Прыгал на стадионах, через линии охранников и ряды ограждений. Порой забирался на колонки или флагштоки, длиной в четыре человеческих роста. В социальных сетях поклонницы спорили, кто из них поймает Пепла. В ходе интервью журналисты неизменно задавали один и тот же вопрос: «Каким будет следующий прыжок»?

Пепел отбросил микрофон эффектным жестом. Окинул взглядом зал, показал большие пальцы. Решительно разогнался, преодолев сцену за считанные секунды, но возле края вдруг остановился, словно натянулся невидимый страховочный пояс. Отработанному в мыслях сальто не суждено было предстать перед поклонниками. Со стороны это смотрелось до крайности нелепо – взмах руками и поклон, будто Пепел внезапно решил поймать маленького котенка. Фанаты в первых рядах заулыбались, но Пеплу было вовсе не до смеха. Скорее наоборот.

В мыслях отчетливо промелькнула картинка с переломанными костями и раздробленным черепом – живой пиратский флаг. Прыжок мог стать для него последним.

«Слишком высоко. И фанаты стоят далеко друг от друга. Я бы об пол брякнулся», – попытался оправдаться Пепел, понимая, что лжет сам себе.

Если не считать неудавшегося крауд-серфинга и гнетущей неуверенности Пепла, выступление закончилось так же, как сотни других. Лось доиграл соло. Поклонники требовали продолжения. Лира выбросила в толпу барабанные палочки, из-за которых началась потасовка между толстухой в черной майке и тщедушным пареньком в очках. «Частицы пыли», взмокшие и выдохшиеся, поплелись в гримерную.

– Что это, мать его, было? – поинтересовался Чихач, открывая бутылку с водой. – Куда исчез коронный пепельный прыжок? И откуда взялся пируэт престарелого болеро?

Лось грохнулся на диван. Отбросил прядь длинных слипшихся волос и добавил:

– Со спины выглядело так, как будто ты, типа, застремался. Как если бы встретил злощего пса в узком переулке.

– Не знаю, – признался Пепел. – Пса там, понятно, не было. Мне реально стало... как-то не по себе. Будто сломалось что-то. Я раньше не думал, что могу покалечиться или вообще убиться нахрен. А сегодня подумал.

– Я слышу трусливые фразочки от человека, который забирался на статую Ленина и сигал вниз, наплевав на все? Стареешь, брат.

– Мне все равно уже не суждено войти в «Клуб 27», поэтому как-нибудь переживу. – Отмахнулся Пепел. – Но спасибо за поддержку, Лось.

– Серьезно, Лосяра, отстань от него, – лукаво прищурилась Лира. – Не получилось разок – ничего страшного. Такое у всех мужиков бывает. Стресс, гормоны, нездоровый образ жизни...

– От этого мне легче не стало. Даже наоборот. – Пепел снял кожанку с вешалки. – Ладно, вы как знаете, а я поехал домой. Хочу завалиться спать пораньше. Начну здоровый образ жизни с глубокого сна, часов на двенадцать.

– Эй, а как же вдарить по пивку за отменный концерт? – удивился Чихач.

– Вдарьте без меня. Увидимся на репетиции.

Лось пожал плечами. Чихач принялся рассказывать Лире про новую бас-гитару. Пепел торопливо собрал вещи и вышел из гримерки. В коридоре столкнулся с фанаткой, которая, судя по короткой юбочке и одурманенному лицу, не прочь была провести ночь с любым из участников «Частиц пыли». Она говорила что-то, показывала фотки на смартфоне, но Пепел не слушал. В мыслях он вновь и вновь возвращался к неисполненному сальто. Представлял, как все-таки ныряет в толпу, как его носят на руках, только от этого нервничал еще больше.

– Да это просто херня какая-то, – процедил Пепел, оказавшись на улице.

Девять лет подряд он прыгал на потеху публике, а что теперь? Трюки в музыке – даже в рок-музыке – не главное, поэтому можно обойтись и без них, наверное. Главное, чтобы песни не подкачали. Ребята поймут, если он откажется прыгать. Только... Только это будут уже не те «Частицы пыли».

Его взору предстала лестница, ведущая к подъезду старой пятиэтажки. Отжившие свои ступени с торчащими прутьями, все вместе не больше метра в высоту. Пепел задумчиво поднялся по ним, развернувшись около двери.

Получится или нет?

«Так, сцена явно была выше. А здесь ерунда. В чем проблема-то? Это как бег на выносливость: начнем с малого и будем наращивать обороты», – уговаривал себя Пепел.

Ноги словно одеревенели. К горлу подступал ком, стоило бросить взгляд вниз. После долгого промедления Пепел так и не решился сделать прыжок – лишь шагнул с верхней ступеньки и приземлился на асфальт с грациозностью пьяного слона. Необъяснимый страх пульсировал в каждой клеточке тела.

В этот момент Пепел осознал, что прежних трюков «Частиц пыли» фанатам не видеть.

2

Несмотря на прохладу весеннего дня и противную морось за окном, в отделе продаж компании «Нота комфорта» стояла настоящая жара. Голоса работников, обзванивающих клиентов, сливались в единый взбудораженный гам. Лишь изредка отчетливо проскакивали фразочки, вроде «специальное предложение только для вас» или «на складе осталась всего одна штука». На экранах мониторов мелькали страницы баз данных. Принтеры выплевывали очередные порции документов. График, криво прилепленный на доску, сообщал неутешительные новости: продажи мебели премиум-класса падали третий месяц подряд.

Кабинет начальника отдела располагался за тонкой перегородкой, которая едва заглушала голоса, клацанье мышек и жужжание принтеров. Оно и к лучшему. Ольга считала, что вмняемое начальство должно мотивировать работников одной близостью своего присутствия. Хотя с такими продажами начальствовать ей оставалось недолго. Ольга откинулась на спинку кожаного кресла и уставилась в потолок. Лампа дневного света мигнула в ответ.

Премии, тренинги, контроль сделок и переговоров – что еще могло вытянуть количество продаж на прежний уровень? Или хотя бы замедлить падение?

«Сократить штат, чтобы снизить издержки, – размышляла Ольга. – Все равно этим дурням ничего не помогает. Можно уволить весь отдел и нанять студентов первокурсников – результат не изменится, но на окладах сэкономим. Хоть чем-то прикроюсь перед встречей с директором».

Правда заключалась в том, что мебель премиум-класса мало кого интересовала в разгул экономического кризиса. Кто-то покупал еду в кредит, что уж говорить про кожаные диваны?

Сквозь гул голосов прорвался высокий, с визгливыми нотками смех. Ольга сжала кулаки. Эдуард, конечно же. Для друзей – просто Эдик. Для Ольги – бездарь, трудоустроенный по знакомству с директором. Наверняка только что отпустил очередную байку и сам же над нею поржал. И это вместо того, чтобы висеть на телефоне, выгрызая зубами очередную сделку! Эдику словно нравилось сидеть на голом окладе. Сильно напрягаться не нужно – просто делай вид, что работаешь. Или не делай, если начальство не видит.

– А потом его посадят на мое место, – прошептала Ольга. – Нет, Эдичка, так не пойдет.

Она вскочила так, что кресло отъехало, с грохотом ударившись об стену. Уверенно направилась к выходу, не задержавшись у зеркала ни на мгновение. Ольга знала, что с ее внешностью полный порядок. Белая блузка и черная юбка не скрывали достоинств фигуры, но и не выбивались из классического делового стиля. Короткая стрижка, пришедшая на смену каре пару месяцев назад, придавала строгости и доминантности.

Визгливый смешок вновь прорезал слух. Ольга положила ладонь на ручку двери, представила, как принуждает Эдика писать объяснительную, однако вместо восторга ощутила неожиданное беспокойство. Как легкое дуновение ветерка – пара секунд и больше ничего.

Странно. Неужели это из-за знакомства Эдика с директором? Того и гляди побежит жаловаться. Остальных подговорит...

– Ладно, обойдемся без объяснительной, – пробормотала Ольга. – Просто вздрючу его хорошенько, чтобы дурака не валял. И других подстегну заодно.

Она прошла в помещение отдела продаж, с удовлетворением отметив, что подчиненные поглощены работой. Они смотрели в мониторы или записывали что-то, прижимая телефон к уху, лишь взглядом давая понять, что заметили появление Ольги. Все, кроме Эдика. Тот развалился в кресле и увлеченно рассказывал историю про студентку, которую ему удалось закадрить прошлым вечером. На экране его ноутбука была открыта страница букмекерской конторы. Ольга с трудом удержалась от того, чтобы закричать. Она ухватила кресло за спинку и рывком развернула Эдика к себе лицом.

– Ой, Ольга Николаевна! Чем обязан? – шутливо поинтересовался он.

В эту секунду Ольга готова была высказать все, что так долго и старательно удерживала печатью терпения. Плевать она хотела на блат Эдички! Пусть сполна получит за тупые истории, сорванные продажи и ставки на спорт в рабочее время! И визгливый смех – о, да!

Ольга открыла рот и тут же закрыла без единого слова. В глазах Эдика застыла необъяснимая злоба. Рот искривился в угрожающей ухмылке. Добродушное лицо балагура за секунду превратилось в гримасу убийцы. Ольга перевела взгляд на его руку, сжимающую канцелярский нож. Лезвие блеснуло в свете мигающей лампы.

Зачем Эдику нож? Уж не для работы, это точно. До охотничьего клинка такому далеко-ваго, но по шее полоснуть можно запросто.

– Я хотела... – выдавила Ольга и запнулась.

Весь отдел уставился на нее. Выжидающие, удивленные физиономии. Вика быстро прошептала что-то Славе. Тот ухмыльнулся. Прекрасный повод повеселиться – начальница показала себя хрупкой и неуверенной.

Что же вы шепчетесь, а не скажете ничего прямо?

– Простите? Что вы хотели? – изобразив фальшивую улыбку, спросил Эдик.

– Напомнить о плане продаж на весну, – промямлила Ольга. Получилось столь жалко, что ей самой от себя стало тошно. – Дела идут не так хорошо, как раньше. Премии в три оклада не вернутся, пока не уложимся в показатели. И корпоратив по случаю юбилея компании могут отменить. Все в ваших руках. Вы же понимаете?

– Стараемся из последних сил. – Эдик поиграл с кнопкой ножа. Лезвие спряталось в рукояти и вновь выскочило наружу. – С вами все в порядке? Вы выглядите, ну... Отдых бы не помешал.

– Думайте о продажах, а не о моем отдыхе!

Ольга развернулась и бросилась в кабинет, стараясь выбросить из головы озадаченные взгляды работников. Она захлопнула дверь и впервые за много месяцев закрыла ее на замок. Затем опустилась в кресло, не понимая, что происходит. Она сомневалась, она мямлила, она позволила Эдику показать свое превосходство над ней в конце концов!

Господи, его лицо выглядело таким ожесточенным! Он мог пырнуть ее ножом прямо в офисе!

Нет-нет. Эдик – бездарь, бабник и тупоголовый кретин, но точно не убийца. Разве не он рассказывал, как спасался бегством от пьяного школьника?

«Стресс и не такое заставит увидеть. Пора прекращать работать без выходных, – решила Ольга. – Пожалуй, стоит взять отгул на пару дней. Запишусь на маникюр. Прическу обновлю. Может, загляну в спа».

Обычно мысли о спа-процедурах придавали сил, но в этот раз Ольга поняла, что не слишком-то хочет видеть других людей. Включая массажистов, парикмахеров и мастеров маникюра. А когда смартфон оглушительно громко завибрировал на столе, она нервно закусила губу. Звонили из производственного цеха. Наверняка насчет того, что партия диванов премиум-класса готова или, наоборот, задерживается. Обычный деловой разговор, которому не суждено было состояться потому, что Ольга сбросила звонок. А потом написала в корпоративном чате, что простудила горло и предложила решить вопрос без звонков.

Остаток дня Ольга провела за работой с документами. Выложились по максимуму, лишь бы не контактировать с людьми. Она не переставала удивляться собственному поведению, как и не могла найти ему достойного объяснения.

Ольга покинула рабочий кабинет только в семь часов вечера. После того, как убедилась, что ни одного из ее подчиненных в офисе не осталось.

3

Двери ресторана «Агафонов» распахнулись. В дверном проеме застыл человек. Жанна, в чьи обязанности входило дружелюбное приветствие гостей, не смогла произнести ни слова. Возможно, если бы она поработала хостес уже пару лет, то смогла бы сохранить невозмутимость. Однако ее опыт ограничивался двумя с половиной месяцами, поэтому на лице застыло удивленное выражение.

Гость действительно привлекал к себе внимание. Его одежда выглядела новой и вычурной. Под расстегнутой фиолетовой курткой виднелся клетчатый пиджак. На ногах красовались широкие брюки и массивные фирменные кроссовки. Руки сжимали деревянную трость с причудливой гравировкой.

В то же время, глядя на голову гостя, Жанне подумалось, что ее пересадили с другого человека в ходе безумного эксперимента. Другое объяснение не приходило в голову. Редкие седые волосы торчали по краям. Глубокие морщины испещрили лоб, щеки и шею. Глаза потускнели, не позволяя разобрать, были они лет двадцать назад ярко-голубыми, зелеными или серыми. Остатки неровных желтых зубов мелькали всякий раз, стоило гостю открыть рот.

– Чем могу помочь? – поинтересовалась Жанна, взяв себя в руки.

Впрочем, не совсем. По регламенту ей следовало спросить, заказывал ли гость столик, но с губ сорвался иной вопрос. По какой-то причине Жанна отказывалась верить, что стоящий перед ней человек мог заказать столик в «Агафонове» – далеко не самом последнем ресторане Нижнего Новгорода.

– Меня зовут Глеб Козловский, – хриплым голосом ответил гость. – Пару месяцев назад я собирал обеды с другой стороны вашей кафешки. Потом забрался внутрь, чтобы погреться. А охранник меня вышвырнул. При этом ты визжала как резаная.

– О, боже! – Жанна закрыла рот ладонью.

Она вспомнила тот случай, хотя не вспомнила лицо Козловского. Жанна как раз шла в служебную гардеробную, чтобы переодеться на смену, когда почувствовала неожиданный гнилостный запах. Чудовищное явление для ресторана подобного уровня. Вытяжки работали во всю мощь, а испорченных продуктов в «Агафонове» отродясь не водилось. Заглянув за угол, Жанна увидела, как с черного входа вошел грязный ссутулившийся бездомный. Она приняла его за вора, поэтому громко завопила о помощи. Охранник мигом вышвырнул бездомного на улицу, однако гнилостный запах витал в помещении еще целый вечер.

– Я ведь не сделала вам ничего плохого, – пролепетала Жанна, – просто сильно испугалась.

– Расслабься, детка, – ухмыльнулся Козловский. – Разве я похож на бродягу?

– Простите?

– Разве я похож на бродягу в такой одежде? От меня воняет? От меня хочется убраться подальше?

– Нет-нет, – заверила Жанна. – Ничего такого.

– Теперь-то позволишь мне отужинать в этом чудесном заведении?

– Конечно... У нас есть несколько свободных столиков!

– Тогда отведи меня к одному из них. – Козловский ударил тростью о мраморный пол. – Видишь ли, недавно моя жизнь круто изменилась, поэтому я собираюсь наверстать упущенное.

Жанна провела гостя в зал и усадила за маленький столик в углу. Ей казалось, что в этом месте посетители будут меньше обращать внимания на Козловского, если он начнет чудить. А он начнет – в этом Жанна была уверена почти на сто процентов. Бездомный, нацепивший экстравагантные одеяния эстрадного артиста, просто обречен чудить.

– Присматривай за ним, – шепнула Жанна официанту, идущему к столику.

– О чем ты? Выглядит мужик забавно, но к нам и не такие захаживали, – хмыкнул он. – Вспомни-ка певца, который нажрался месяц назад. Песни орал в труселях наизнанку. Зато чаевых оставил столько, сколько я за всю жизнь не видел.

– Я помню. И я говорю тебе присматривать за клиентом. Не стесняйся звать охранника, если что.

Официант бросил на Жанну недоуменный взгляд, будто проверяя, не начала ли чудить она. Не заметив признаков надвигающегося психического помутнения, ограничился кивком. Жанна вернулась в тамбур за столик хостес. Время от времени она заглядывала в зал, но вскоре так закутилась с работой, что мысли о странном госте совершенно покинули ее голову.

Спустя полчаса Жанна сопровождала семейную пару, забронировавшую столик неподалеку от Козловского. До ее ушей донеслось странное бормотание. Обернувшись, она увидела, что стол Козловского был заставлен блюдами: мясные и сырные ассорти, полупустая тарелка с супом из трюфелей, нетронутый «Наполеон» и свежеприготовленный запеченный поросенок. Казалось бы, ничего необычного. Если не считать того, что Козловский вылезал из-за стола спиной вперед, непрерывно бормоча. Взгляд его был устремлен в сторону содержимого тарелок. В конце концов Козловский упал на пол, сдернув салфетку со столовыми приборами, которые со звоном рассыпались по полу. Несколько гостей повернули головы на шум. Официанты замерли с подносами на руках.

– Это какая-то шутка? – заорал Козловский, поднимаясь. – Вы все тут отменные шутники, да?

Теперь на него уставились все, кто находился в зале. Все, без исключения. Семейная пара так и не заняла приготовленный для них столик и, судя по их виду, засомневалась, стоило ли вообще ужинать в «Агафонове».

– Уверяю вас, ресторан ценит каждого клиента. Мы с радостью выслушаем все замечания, – спокойным и тихим тоном обратилась к Козловскому Жанна. На этот раз строчки из инструкции быстро всплыли в памяти. – Просто объясните, что произошло?

– Долбанная свинья на столе! Вы ее не пропекли или как? Пару секунд назад она издавала странные звуки! Слова или что-то в этом роде.

Жанна кивнула охраннику, стоящему возле входных дверей. Тот медленно двинулся навстречу к Козловскому.

– Шеф-повар ни за что в жизни не позволил бы подать гостю неприготовленного поросенка. Да вы только на корочку посмотрите! – посомневавшись немного, Жанна добавила: – Вам наверняка известно, что свиньи не разговаривают. Если это не какой-нибудь Бэйб или Хрюша из детской программы.

Инструкция вновь полетела к чертям. С другой стороны, в ней и слова не было о случаях со свиньями.

– Хватит го-го-о... – Козловский заикался, не в силах произнести фразу до конца. – А, стерва! Хватит говорить со мной, как с умалишенным! Я знаю, что видел и слышал! Проклятая свинья повернула голову и поздоровалась! Такое ни с чем не перепутаешь.

Полная дама за дальним столиком нервно вытерла рот салфеткой, поднялась и попятилась к выходу. Ее супруг потребовал счет. Жанна взмолилась о том, чтобы охранник двигался быстрее, а Козловский перестал пугать гостей. Посетители ценили богатое убранство залов «Агафонова», деликатесы шеф-повара и лакейскую расторопность официантов, но безопасность стояла превыше всего.

Пару секунд Козловский молчал, глядя на стол. Затем вдруг отпрянул и заорал:

– Вот опять! Опять! Свинья говорит почти как человек! Слышали? – Козловский обвел посетителей безумным взглядом. – Вы же слышали, да?

– Ничего подобного не происходило, – твердо покачала головой Жанна.

– У нее ноги двинулись. Да посмотри хорошенько! Слепая что ли?

Козловский дернулся к Жанне, но подоспевший охранник схватил его за руку.

– Прошу вас расчитаться и покинуть заведение. Здесь принято вести себя прилично. Вы пугаете остальных.

– Пу-пу-угаю? Не я это начал, между прочим!

Козловский с вызовом посмотрел на охранника, затем на Жанну. Она заметила, как напряжение на его лице неожиданно угасло, уступив место растерянности. Козловский будто осознал, как выглядит со стороны. Он ссутулился и смущенно потер лоб.

– Черти вас дери, – угрюмо произнес Козловский. – Всякого навидался, но это – из ряда вон. Может, вы мне не верите, но так оно и было. Свинья говорила. Двигалась. Доедать ничего в вашей забегаловке не буду. Счастливо!

Козловский отсчитал деньги и бросил их на стол. В сопровождении охранника поплелся к выходу. Глядя на его согнутую спину и трость, слабо стучащую по полу, Жанна ощутила прилив жалости. Он ведь не был виноват в том, что увидел. Просто привиделось из-за старости или выпитого. Уже завтра он будет вспоминать этот инцидент, посмеиваясь над собой.

– Итак? – Мужчина, ожидающий, когда его посадят за столик, скоился на жену и робко кашлянул. – У вас такое случается постоянно или нам все же стоит рискнуть и сделать заказ?

4

Профессор педантично чертил на доске схему формирования условного рефлекса у собак. Поскрипывание мела и сгущающаяся темнота за окном действовали на студентов гипнотическим образом: некоторые спали, уронив головы на парты, другие уткнулись в телефоны, потирая уставшие глаза.

Ника старательно копировала схему в тетрадь. Могла бы просто сфотографировать доску на смартфон, но записи, сделанные вручную, лучше отпечатывались в памяти. К тому же ходили слухи, что на сессии профессор лояльно относился к тем, кто делал полные конспекты. Ника готова была записать каждое сказанное слово, если это даст возможность получить зачет «автоматом».

Марго ткнула ее в бок, показывая очередной мем на экране смартфона. Маленькая девочка пытается съесть бургер, высотой почти с нее. Внизу надпись: «Когда пытаешься выучить билеты за одну ночь». Ника вежливо улыбнулась. Судя по всему, Марго на зачет «автоматом» было наплевать. Всю пару она безостановочно печатала сообщения куче друзей во всевозможных мессенджерах так, словно от этого зависела ее жизнь.

– Как нам пригодится зоопсихология, а? – прошептала Марго. – Из нас ветеринаров готовят что ли?

– У человека с животным много общего, – не отрываясь от тетради, ответила Ника. – По крайней мере, так нам объясняли на прошлой паре.

– Ага. Много общего у препода с индюком – такой же надутый. Или у нашего физрука с гориллой.

Ника сдержалась, чтобы не хохотнуть. У Кузьмича были огромные мускулистые руки, а из-за старой травмы он передвигался, наклоняясь на правую ногу. Хорошо хоть в грудь себя кулаками не бил.

– А знаешь, Кузьмич иногда так на меня смотрит. – Марго отложила телефон и потянулась, выпятив вперед массивную грудь, туго обтянутую кофточкой. – Особенно во время приседаний и наклонов. Делает вид, что, типа, случайно. Но я-то вижу – он наверняка не прочь. Я тоже не прочь, но дальше взглядов у него не заходит. Короче, пусть дозревает пока.

– Марго! Слишком пошло! И вообще, Кузьмич старше тебя лет на двадцать.

– Он в хорошей форме. Лучше наших мальчиков-жиробасов на первом ряду. Весна на дворе, а у меня никого не было уже несколько месяцев. Скоро на деревья бросаться начну.

Последняя фраза была сказана так громко, что профессору пришлось остановиться и смерить Нику с Марго строгим взглядом. Они наигранно смутились. Кто-то сдавленно хихикнул. Профессор повернулся обратно к доске и продолжил чертить. В аудитории воцарилась тишина, прерываемая лишь скрипом мела.

– Как-то холодно тут, тебе не кажется? – Поежилась Марго.

– Есть немного, – отозвалась Ника, обводя красным маркером надпись «кортикальный центр пищевого рефлекса», к которой явно стоило вернуться перед зачетом.

– Блин, – буркнула Марго.

– Что такое?

– Я все время писать хочу, когда замерзаю.

– Ну спасибо! – закатила глаза Ника. – Теперь я тоже захотела.

Марго подняла руку, привлекая внимание профессора:

– Виктор Степанович?

– Последние пятьдесят лет я был Валерием Савельевичем.

– Ой, извините. А можно нам выйти по срочным делам?

– Все равно толком не слушаете. – Махнул рукой он. – Держать не стану, разумеется.

Они вышли в пустой коридор университета. С портрета, висящего на стене, на них смотрел Лев Семенович Выготский. Строго, словно осуждая за легкомысленное отношение к учебе. По сторонам чернели дверные проемы аудиторий – у большинства студентов занятия давно закончились.

Добравшись до туалета, Марго тут же вытащила сигарету и принялась щелкать зажигалкой.

– Я думала, ты пришла сюда не за этим, – упрекнула ее Ника.

– Одно другому не мешает.

Марго выдохнула дым и скрылась в первой кабинке. Ника проследовала во вторую. На двери какой-то умник накарябал: «Будешь на Земле – заходи». В какой момент ему втемяшилось достать маркер и оставить свой след в истории? Когда процесс слишком затянулся? Ника улыбнулась, представив себе эту ситуацию.

В туалете было холоднее, чем в аудитории, как будто кондиционер включили во всю мощь. Не хотелось даже джинсы снимать. Да еще эта вонь от сигарет! Марго как-то попробовала перейти на вейп, но потом заявила, что предпочитает травиться натуральной продукцией. Натуральное приходилось терпеть каждый раз, когда они вместе возвращались с учебы домой. Хорошо, что в квартире Марго не рисковала курить, так как хозяйка грозилась выкинуть ее на улицу вместе с вещами, если увидит хоть крупичку пепла.

– Ника-а, – послышался приглушенный голос.

– Потеряла меня? – спросила Ника. – Я рядом. Скоро закончу.

– Что? – не поняла Марго. – О чем ты говоришь?

– Ты меня не звала?

– Я курю и делаю свои дела. Пока справляюсь самостоятельно.

Неудобно получилось. Никто ее не звал, вроде бы. Нет, голос все-таки был, причем совершенно не такой, как у Марго. Может, из другой кабинки?

Телефон просигнализировал о сообщении. Новый мем от Марго. Две мультяшные девицы с бокалами в руках. Внизу надпись: «Люблю свою подругу. При ней и тупить не страшно».

Половина экрана вдруг потемнела и пошла рябью. Надпись уползла в сторону. Осталось лишь слово «страшно».

– Ника-а!

На этот раз голос прозвучал совсем близко, над головой. Ника подпрыгнула, одновременно натягивая трусы с джинсами. С дрожью в сердце и без единой мысли она уставилась наверх. Под потолком, цепляясь за перегородки кабинки, висел человек с изуродованным лицом. Оторванный нос, окровавленный рот и уродливая трещина, проходящая через рот, складывались в бледно-багровый лик уличного отморозка. Сквозь отверстие в шее виднелись подрагивающие подъязычные мышцы. Человек с подобными ранами просто не мог быть живым. И все же его глаза неотрывно следили за Никой.

Пронзительно взвизгнув, она вывалилась из кабинки. Заколотила руками по холодной плитке, пытаясь встать. В следующее мгновение Марго оказалась возле нее, не переставая обеспокоенно спрашивать о том, что произошло. Не в силах ответить, Ника указала дрожащей рукой в сторону кабинки.

– Что? Там ничего нет, – не поняла Марго.

Ника и сама видела, что указывает лишь на потертый бачок унитаза. Ни следа ожившего мертвеца. Ни звука от его пронзающего душу голоса.

– Там паук был или что? Говорят, кто-то однажды увидел настоящего тарантула. Вроде как сбежавшего из лаборатории.

– Не знаю. Привиделось что-то.

– Похоже, ты переучилась. Перенапрягла мозги, если точнее, – непринужденно заметила Марго. – Я слышала про одного парня, спятившего во время сессии...

Она продолжала болтать, но смысл слов ускользал от Ники. Переучилась? Перенапряглась? Просто смешно. Она знала, что видела лицо мертвеца. Видела его жилистые руки, вцепившиеся в края кабинки. Видела его разрезанный рот. Мертвец был таким же реальным, как мурашки, выступившие на коже.

А еще он знал ее имя. Может, попытался бы схватить или сделать что похуже, не вскочи Ника так резко. Об этом не хотелось думать, но как остановиться?

От прикосновения к плечу Ника едва не вскрикнула.

– Возвращаемся на лекцию? – поинтересовалась Марго. – Все ведь в норме?

– Да. Нормальнее некуда, – солгала Ника.

5

Стоило машине скрыться за поворотом, как Егор тут же пожалел, что не продумал путешествие до конца. Водитель из «Бла Бла Кар» с хорошим рейтингом согласился подкинуть его до середины пути практически бесплатно. Дальше можно было сесть на дешевый автобус и остаток дороги провести в сладкой дреме. Неплохой план, в который совершенно не входило то, что водитель внезапно решит заглянуть к родственникам, которых давно не видел, и выкинет Егора в пределах «простите, где я, черт возьми, нахожусь?»

Навигатор, установленный на смартфон, разумеется, не работал. Как и мобильная связь. Вот он, оператор с самым плотным покрытием в России. Как же! Егор завертел головой в поисках ориентира. Основание дорожного знака, подрытое каким-то зверем, покачивалось на ветру. Сам указатель отсутствовал. Где-то в небесах одиноко прокричала птица.

«Хотя бы дорогу видно, – грустно подумалось Егору. – До самого горизонта. Не федеральная трасса, но вполне себе неплохая. Сколько там до Нижнего осталось? Километров двести или больше. Ладно, если повезет, то не пройдет и часа до следующей машины».

От краев дороги расходились старые, густые ели. Сквозь них можно было разглядеть только другие деревья. Егор затруднился бы назвать это настоящим лесом, но проверять не собирался. Не хватало еще заблудиться или наткнуться на дикого зверя.

– Дела лучше некуда, – сказал Егор сам себе. Голос звучал странно в безлюдном месте. – Придется идти вперед на своих двоих. Жив, здоров – уже достижение.

Последнюю фразу любил повторять отец. Какая бы напасть не свалилась, он твердил одно и то же, пока все не поворачивалось к лучшему. Как будто иначе и быть не могло.

Егор бодро зашагал вдоль дороги, пытаясь не думать о том, что скоро стемнеет, а его шансы поймать попутку тают с каждой минутой. Содержимое рюкзака позвякивало за спиной. Самое необходимое – то, что пригодится на первое время. Пара комплектов одежды, перочинный нож, зарядные устройства и перекус. Остальное можно докупить по потребности. В городе, не в лесу, разумеется. Даже в этот не самый счастливый момент Егор не пожалел, что решился покинуть дом. Он не знал, каким будет завтрашний день, зато был совершенно свободен.

Сорок минут спустя Егор продолжал двигаться вперед с заметно поубавившимся зарядом бодрости. Его озадачило то, что за это время не встретилось ни одной попутной машины. И встречной тоже, что объясняло хорошее состояние асфальта. Нет машин – нет разрушений. Прекрасный способ сохранить дороги.

«На редкость дебильное умозаключение», – услышал Егор голос своей матери. Пессимистичные заявления были ее коньком. А когда мама была пьяной, выражалась еще хлеще. Собственно, она как раз основательно набралась к моменту их последней встречи. Вряд ли поняла, что Егор уходит из дома насовсем. А вот отчим не скрывал безудержного восторга.

Вскоре тоскливые воспоминания померкли, потому что Егор, наконец, увидел очертания черного «Фольксвагена». Вернее, сначала в глаза бросился аварийный знак, и только потом – машина с открытым капотом, стоящая на обочине.

«Сломана. Сколько приятных сюрпризов за один день», – подумал Егор и вздохнул, приближаясь к машине.

Дверь «Фольксвагена» открылась. Из машины показалась голова мужчины, лет шестидесяти на вид. Лицо выглядело озадаченным. Смерив Егора взглядом, мужчина широко и вполне искренне улыбнулся:

– Вот уж не ожидал встретить пешехода в таком чудном месте.

Голос его был низким и бархатным, без малейших искажений от старческой атрофии.

– Я и не должен был здесь находиться, – откликнулся Егор. – Мне просто очень сильно повезло. Только не так, как счастливицам в лотерее. Наоборот.

Покряхтывая, мужчина выбрался из салона машины. Выглядел он на редкость любопытно. Обычно старики (по мнению Егора все, кто пересек границу в шестьдесят лет, переходил в категорию стариков) предпочитали одеваться неброско, не желая выделяться из толпы. Они не носили футболку с группой «Ария» под добротной кожаной курткой. На их шеях не висели диковинные подвески с разноцветными камнями и медальонами. Их руки не украшали четки и браслеты с рунами. Тем удивительнее казалось то, что в целом мужчина выглядел гармонично. У Егора складывалось ощущение, что перед ним стоит рок-звезда, вышедшая на пенсию пару лет назад – хэви-металлист или вроде того. Только гитары за спиной не хватало.

– Захар Мечников, – представился мужчина. – А вас как изволите величать, молодой человек?

– Егор Благой, – в тон ему ответил Егор.

– Чудесная фамилия. Свойственна тому, кто прославился добрыми поступками.

– Вы не первый, кто об этом говорит. Только фамилия может совершенно ничего не значить.

Прадед Егора доблестно сражался в Великой Отечественной войне. А брат прадеда – с точно такой же фамилией – трусливо бегал по лесам, пока не поймали и не отдали под суд. О нем в семье старались не вспоминать.

– Не поспоришь, – усмехнулся Мечников. – Я ведь оружие не кую и фехтованием не занимаюсь. Полагаю, твой телефон вне зоны доступа, как и мой?

– Да мы тут все без зоны доступа, – заметил Егор. – Если серьезно, я надеялся наткнуться на одну из вышек, пока шел вдоль дороги. Не вышло. Глухомань еще та.

– То есть вызвать эвакуатор не получится. Жаль. Если опоздаю – сильно подведу одного человека.

Мечников нервно теребил одну из четок. Егор оглядел «Фольксваген». Знакомая модель, довольно надежная. Что там могло сломаться?

– Если вы не против, я бы посмотрел на машину, – сказал Егор. – Вдруг найду причину поломки? Здорово будет, если получится исправить.

– Не верю своим глазам. Первым, кого я встретил после поломки, оказался настоящий автомеханик.

– Нет, я не автомеханик. Но отец часто брал меня с собой, когда чинил машину. Учил, объяснял. Заставлял многое делать самому. Колеса, к примеру, я и с закрытыми глазами поме- няю.

Мечников уважительно покивал.

– Видимо, твой отец – отличный мужик.

– Был. Он умер три года назад, – нахмурился Егор. – Сердечный приступ.

– Прости. Я прекрасно понимаю, что означает потеря близкого человека. Рана, которая так и норовит открыться вновь.

«Жив, здоров – уже достижение», – всплыли в памяти слова отца. Был бы он в самом деле жив... Егор вздохнул.

– Так посмотреть машину или как?

– Она в твоём полном распоряжении. Хуже точно не сделаешь. – Мечников похлопал по карманам, достал связку ключей. – Держи. Я пока найду инструменты.

Егор устроился на водительском сиденье. Взглянул на приборную панель. Горела иконка «проверьте двигатель». Плохой знак. Впрочем, по какой-то причине Егор не терял надежды, что справится. Он просил попутный автомобиль, и судьба его предоставила. А судьба редко дает что-то на блюде с золотой каемочкой.

Двигатель, так двигатель. Егор обошел «Фольксваген» и усталился под капот. Пока он проверял разъемы и клеммы, Мечников разговорился:

– Откуда ты, Егор? Из какого города?

– Из Вятских Полян. Небольшой городок, вряд ли вы о таком слышали. Вообще-то неплохое место, тихое. Люди нормальные. Но перспектив никаких, поэтому многие уезжают.

– И ты решил стать одним из них. Из перспективных? Тут и гадать не надо. Куда направляешься?

– Подумывал остановиться в Нижнем. Большой город, много всякой движухи. Возможностей, я имею в виду. Планирую попытаться удачи с работой или учебой, а лучше и с тем, и с другим. У многих выходит совмещать. Чем я хуже? Опять же, в городе есть знакомые, которые позволят пожить у них первое время. А дальше поглядим.

Оставив капот открытым, Егор перебрался обратно в салон машины. Причину поломки он пока не обнаружил, но сдаваться не собирался. На этот случай у отца тоже была своя поговорка: «Проблема вечно прятаться не может». Егор не раз убеждался в ее правоте.

– Подожди. – Мечников задумчиво почесал подбородок. – Твоего отца нет в живых. Ты решаешься перебраться в другой город в поисках лучшей судьбы. Путь не самый близкий. Да еще на попутках... Ты случайно не из детского дома сбежал? Или от матери? Не пойми меня неправильно, но слишком ты молодо выглядишь.

– От матери с отчимом, которые пали в борьбе с алкоголем. Такая же история, как у тысяч других. И «сбежал» – это неправильно сказано. Мне девятнадцать, значит могу идти туда, куда захочу. – Егор прислушался, запуская двигатель. – Между прочим, я понял, почему двигатель не работает. Слышите, как крутится стартер?

– Не слышу. А если бы и слышал, то это ни о чем бы мне не сказало. Автомеханик из меня явно хуже, чем из тебя. Даже масло сам не могу поменять – сдаю машину в сервис, – пояснил Мечников.

– Так стартер и не крутится. Предохранитель перегорел.

– Сможешь исправить? Прости, что так напирал. Терпеть не могу зависеть от кого бы то ни было.

Егор задумался. Затем расстегнул молнию рюкзака.

– Сделаю временный вариант из фольги. Повезло, что я решил захватить с собой шоколадку. До магазина запчастей или автосервиса ваш «Фольксваген» дотащится, будьте уверены.

Ремонт занял десять минут, в течение которых Мечников бродил вокруг, пощелкивая четками. Иногда бросал нетерпеливый взгляд, но не произносил ни слова. Стоило загудеть двигателю, как Мечников бросился к машине со словами благодарности. «Фольксваген» рычал и рвался в дорогу.

– Вы ведь подбросите меня до Нижнего? – поинтересовался Егор.

– Мог бы и не спрашивать. – Мечников широко улыбнулся. – Имей в виду, я поеду так быстро, что мне самому станет страшно.

6

Мечников не соврал. Он разогнал «Фольксваген» так, что деревья по обе стороны дороги сливались в болотно-зеленые линии. Пустая дорога, некогда навевающая грустные мысли, стала настоящим благословением.

Во время ремонта Егор не обратил внимания на салон «Фольксвагена», а сейчас взгляд то и дело цеплялся за странные детали. К приборной панели заботливо прикрепили иконы – три изображения в золотистой рамке. У отца – как у многих других – в машине были почти такие же, купленные в церковной лавке. Иконы Мечникова, если и продавались, то не в каждом храме и не каждом городе.

Богоматерь изобразили с тремя руками. Вторым святым был человек (человек ли?) с головой пса, скрестивший пальцы в христианском жесте. На следующей иконе запечатлели юношу, вроде бы спящего в кровати, но с открытыми глазами. Все эти странноватые религиозные сюжеты явно что-то означали, но Егор спрашивать не стал. Мало ли кто во что верит?

Обивка салона «Фольксвагена» наполнилась письменами на загадочных языках. Словно ребенок добрался до черной гелевой ручки и запечатлел на поверхности свой нехитрый словарный запас. Егор знал русский и английский – весьма хорошо, по словам учительницы, – однако ни слова не разобрал. Должно быть, тоже что-то связанное с религиозными верованиями.

Да еще эта дорожная сумка на заднем сиденье. Каждый раз позвякивала, когда машина подпрыгивала на дороге. Внутри точно не запасные трусы с рубашкой. Может, монеты?

«Еще скажи, что он инкассатор на пенсии», – мелькнула ехидная мысль.

Иконы и обрядные письмена подсказывали, что сумка полна религиозных принадлежностей. Скорее всего, тоже нестандартных. Крест и кадило не укладывались в образ Мечникова. Грубый осиновый кол или плетка-девятихвостка – вполне.

В груди засело неприятное, щемящее чувство. Мечников вел себя дружелюбно и не создавал впечатление душевнобольного, однако Егору было не по себе. Без навигатора он даже

не представлял, куда его везли. Может, вовсе не в Нижний Новгород, а в какую-нибудь секту в катакомбах заброшенного поселка.

Правда, ничто на это не указывало. После нескольких минут размышлений Егор решил, что в случае чего сможет за себя постоять. А пока лучше быть начеку и сохранять спокойствие.

Стоило машине оказаться в зоне покрытия сети, как смартфон Мечникова – «Самсунг» новейшей серии – разразился фирменной мелодией. Егор уткнулся в приложение с навигатором, демонстрируя, что не намерен подслушивать чужой разговор. До его ушей доносился только голос Мечникова. Слова собеседника звучали приглушенно и неразборчиво.

– Доберусь до города ближе к полуночи, – говорил Мечников. – Произошла небольшая поломка... Всего лишь предохранитель перегорел и мне очень повезло встретить человека с задатками механика. Сам я бы не справился. Перезвоню, как только въедем в Нижний. Переносить встречу на следующий день не стоит. Рискованно. Мы пока еще не знаем, насколько быстро оно прогрессирует.

Обычный деловой разговор, на первый взгляд. Егор живо представил себе собеседника Мечникова в виде преуспевающего бизнесмена в костюме с галстуком. Какой-нибудь владелец сети ресторанов или руководитель промышленного холдинга с расписанием, рассчитанным с точностью до минуты. Мечников был не из таких. Хотя в этот момент указания отдавал именно он.

С каждой следующей фразой разговор приобретал все более причудливые очертания.

– Хочу этого не меньше вашего, но гарантировать ничего не могу. Нет, количество денег ни на что не повлияет. Вы и так много предложили. – Мечник бросил короткий взгляд в сторону Егора. – Точный прогноз дать почти невозможно. Постарайтесь следовать моим советам. Сильно не переживать – негативные эмоции могут ухудшить ваше состояние. Включите телевизоры, телефоны и другие электронные устройства. Чем новее, тем лучше. По возможности находитесь рядом с ними.

Тревожное чувство отступило. Сказанное Мечниковым определенно не соответствовало главе тоталитарной секты. Как и советнику по бизнесу. Скорее, похоже на психолога или психотерапевта. Каких-то слов Мечников явно избегал из-за присутствия Егора. Можно было предположить, что речь шла о здоровье собеседника или о семейных проблемах. Тогда причем здесь электронные устройства? Егор раздумывал, не спросить ли Мечникова о профессии. Почему нет? Вряд ли это какой-то секрет. С другой стороны, Мечников поймет, что вопрос вызван его разговором по телефону, и кто знает, какой будет его реакция?

Машина замедлила ход.

– Впереди заправка, – сказал Мечников. – Давай-ка остановимся у них на пару минут, иначе до города не дотянем. Как думаешь, бензин здесь нормальный?

– Понятия не имею, – признался Егор.

– Я тоже. Фирма какая-то неизвестная. Ну, выбирать все равно не приходится, – пробурчал Мечников, останавливая «Фольксваген» возле колонки. – Подожди в машине. Только ничего не трогай.

Он развернулся к заднему сиденью, порывшись в сумке и извлек на свет толстый бумажник. Егор бросил любопытствующий взгляд – ни осинового кола, ни плетки-девятихвостки. Чего и следовало ожидать. Хотя одна вещь привлекала внимание: из сумки торчал уголок книги, которая выглядела старой, тяжелой и дорогой. Какой-нибудь редкий религиозный экземпляр.

Мечников вытащил пару тысячных купюр, сунул бумажник обратно в дорожную сумку, так и оставив ее открытой. Повозился с заправочным пистолетом и неторопливо направился в сторону кассы. Егор только подивился столь грубой беспечности. Оставить полный денег бумажник наедине с парнем, которого видишь впервые в жизни! Будь на месте Егора какой-нибудь прощелыга, сбежал бы вместе с сумкой в ту же секунду. Да еще забрал бы ключи от машины, чтобы не преследовали.

Егор брат чужое не собирался. Его семья никогда не блистала богатством, а в 2010 году, когда мать и отец потеряли работу, приходилось сидеть на мизерном пособии. И даже в те времена никто из них не опустился до воровства. Лучше было умереть с голоду, буквально.

Однако таинственная древняя книга притягивала к себе невидимой силой. Как будто гипнотизировала, нашептывая слова на неведомом языке – наверняка таком же, на котором были сделаны надписи в салоне. Желание заглянуть в книгу жгло изнутри. Распаляло воображение. Что такого важного могли написать на пожелтевших от старости страницах? Вот бы посмотреть на пару секунд... Мечников все равно копается слишком долго, да еще с кассиром о чем-то болтает.

«Чудесная фамилия. Свойственна тому, кто прославился добрыми поступками», – вспыхнули в голове недавние слова.

Егор вдруг осознал, что его рука, будто обретшая собственную волю, вытянулась в сторону книги. Скрюченные пальцы напоминали лапу животного. Егор поспешно развернулся к приборной панели и достал смартфон, чтобы отвлечься. Фамилия, конечно, чудесная, но дело было не в ней. Старик доверился ему – и это доверие разрушать не хотелось.

Дверь «Фольксвагена» резко открылась. Мечников забрался внутрь.

– Вот и все, – сказал он, трогаясь с места. – Через несколько часов доберемся до Нижнего. Полетим, как на ракете.

Заправка скрылась за горизонтом. Егор принялся размышлять над тем, как лучше обустроиться в новом городе. Мечников, помолчав пару минут, неожиданно признался:

– А ты молодец. И так понятно было, после ремонта машины, но теперь я убедился сполна.

Егор удивленно поднял брови.

– Кто-нибудь другой соблазнился бы бумажником или целой сумкой, – пояснил Мечников. – Пара пустяков – схватить вещи и дать деру. А с деньгами не возникло бы трудностей добраться куда угодно. Человек моего возраста вряд ли сумел бы среагировать достаточно быстро.

– Это была проверка?

Мечников чуть смущенно улыбнулся.

– Своего рода, да. За свою жизнь я сталкивался с таким количеством лжи, что почти утратил способность доверять кому-либо просто так, – сказал он. – Только не обижайся. Мир жесток и обманчив. Особенно, если речь идет о деньгах.

– Дело не в обидах. Я просто не понимаю, зачем меня проверять. Скоро мы доберемся до города и больше никогда друг друга не увидим. Я всего лишь попутчик, – заметил Егор.

– Я поразмышлял немного над твоей ситуацией: переезд в новый город, проблемы с поиском жилья и работы... – сказал Мечников. – Не пойми неправильно, я верю, что у тебя все получится. Мозги на месте, руки-ноги в порядке. Полный комплект для успешной карьеры. Но мне бы хотелось предложить тебе пойти нестандартным путем.

– Вы говорите загадками.

– Иногда на меня такое находит, извини. Перейдем к сути: как ты смотришь на то, чтобы обучиться редкой, но весьма полезной профессии? Той, которой занимаются считанные единицы. Той, которой занимаюсь я.

Егор с опаской относился к странным предложениям о работе. Не без причины. Еще в школе он, пытаясь заработать денег в свободное от учебы время, наткнулся в сети на объявление, которое как раз обещало нечто подобное: «Берем всех, обучим каждого, зарплата выше средней по городу, переходи по ссылке». Когда Егор стал уточнять детали, некий «Алекс365» поведал ему о потрясающей возможности разносить химические вещества по заранее заданным точкам. Все легально, но лучше не отсвечивать. Предкам не рассказывать. До Егора не сразу дошло, во что именно его собираются втянуть. А потом он вспомнил, как однокласс-

ника поймали на закладках, поспешно удалил переписку и пообещал себе впредь быть осмот- рительнее.

– Так чем же вы занимаетесь? – Егор, наконец, задал вопрос, мучавший его с начала поездки.

– Я – черновед, – просто ответил Мечников.

7

Ника корпела над курсовой, несмотря на раннее утро. Сложная, малоисследованная тема привлекала, но потрудиться над ней предстояло как следует. Прошлым вечером Ника пере- шерстила кучу источников и только к полуночи нашла два подходящих, причем на англий- ском языке. Онлайн-переводчик выдавал какую-то несвязную чушь. Ника с трудом вычленила смысл исследований, а всю ночь после чтения ее преследовали несвязные сны о когнитивных качествах предпринимателей. Зато к утру в голове окончательно сложились пара новых пара- графов для курсовой.

Не то чтобы Ника была жаворонком, но сегодня ей даже понравилось работать утром. В комнате царили тишина и уют. За окном не орали алкаши (к вечеру они явятся обязательно). Никто не надоедал сообщениями в мессенджерах.

Иной раз Марго могла бы войти без стука и с безумным приглашением сгонять куда- нибудь на концерт. Или просто включила бы музыку так громко, что домовый чат преиспол- нился бы гневными восклицаниями. Сейчас же она наверняка дрыхла без задних ног. Да, иногда Марго могла просто раздражать своей неумной энергией, хотя Ника ни за что не променяла бы ее на другую соседку. Нужно хорошенько постараться, чтобы найти человека, способного тебя понять, выслушать любые проблемы, начиная от испорченного йогурта и заканчивая испорченными отношениями, и поднять настроение в самый худший день. Вполне можно смириться с тем, что этот человек не знаком с дисциплиной или усидчивостью.

Работа над курсовой спорилась. Ника бодро стучала по клавишам ноутбука, прерываясь для того, чтобы свериться с источниками или сделать глоток крепкого кофе. Первый параграф получился убедительным и логичным. Если его и нужно будет править, то самую малость. Ника напечатала заголовок следующего параграфа и в этот момент раздался стук в дверь.

Она выпрямилась в кресле, недоуменно глядя на часы. Кого принесло в такую рань? Стучали определенно по входной двери – глухие удары по металлической поверхности эхом отдавались в квартире. Стучали робко и нерешительно, словно незваный гость не был уверен, туда ли попал.

«Марго опять кого-то пригласила, – подумала Ника. – Пусть тогда сама открывает».

Она вернулась к экрану ноутбука, вспоминая, на каком моменте остановилась. Восста- новить цепочку рассуждений получилось не сразу. Стоило пальцам коснуться клавиш, в дверь снова постучали. На этот раз громче и увереннее. Стучащий все же определился, куда (к кому?) именно хотел попасть. Два удара, напряженная пауза, вновь два удара.

Ника тихо выругалась, бессильно ощущая, как сформулированные в мыслях предло- жения распадаются на аморфные кусочки. Но недовольство было не самой сильной ее эмо- цией. Поднимаясь с кресла и двигаясь к выходу из комнаты, Ника нехотя призналась себе, что теревит краешек халата из-за возрастающего беспокойства. За дверью вполне могла оказаться соседка, решившая попросить соль, или хозяйка квартиры, забывшая предупредить о визите. Ничего страшного, совершенно обычная ситуация.

Холодок, скользнувший по шее и стиснувший сердце, говорил об обратном. У хозяйки есть ключи. Соль в такую рань никому не понадобится. И звук от ударов был каким-то непра- вильным. Иллюзорным. Будто бы его воспроизводили через дешевую колонку.

Ника робко вышла в коридор, вздрогнув от вида вешалки с одеждой, которую приняла за силуэт человека. Перевела дух. Взглянула на дверь, ведущую в комнату Марго. Заперта

наглухо. При всей недисциплинированности Марго вряд ли продолжала бы дрыхнуть, если бы ждала гостей.

Входная дверь завибрировала от ударов. Тип снаружи – Ника почему-то была уверена, что он мужского пола, – не торопился уходить.

– Хватит уже, а? – тихо простонала она.

Если подумать, вовсе не обязательно открывать дверь кому попало. Это ее право, в конце концов! Она посмотрит в глазок, а если не узнает человека или ничего толком не разглядит, то сперва разбудит Марго. Потом они вместе придумают, что делать. К тому же у Марго был первый баллончик. «От всех видов угроз», как гласила этикетка.

Ника сделала еще один шаг к двери. Под тяжестью ноги предательски скрипнул ламинат. Громкий звук, мерзкий. Теперь тип, стоящий в подъезде, точно знал о ее приближении. Просто отлично. Ника мысленно себе поаплодировала.

С другой стороны, можно было больше не скрываться. Можно было даже спросить: «Кто там?», хотя она не решилась это сделать. Вместо этого Ника прильнула к глазку, чтобы рассмотреть незваного гостя лично.

«Ты с той стороны, а я – с этой, – подумалось ей. – Пусть так и остается».

Сначала Ника увидела лишь темный силуэт, так как человек стоял слишком близко. Словно сам пытался разглядеть через глазок, есть ли кто-нибудь дома. Его фигура выглядела размытой, как тень. Когда человек сделал шаг назад, подъездная лампочка высветила его лицо. Худые, угловатые черты. Мелкие прищуренные глаза, широко расставленные и придающие сходство с рыбой. Тонкие губы, растянувшиеся в похотливой ухмылке.

Ника с трудом сдержала крик. На нее смотрел дядя Витя. Дядя Теплые ручки. Дядя, который отправился на тот свет четыре года назад.

Он помахал рукой в глазок. Дядя Витя знал, что за дверью, дрожа от страха, скорчилась именно Ника, а не кто-либо другой. Он провел ногтем по металлической поверхности, будто наслаждаясь скрежетом. Затем принялся за старое. Два удара, пауза, вновь два удара.

Ника отшатнулась и, взмахнув руками, упала на пол. Упала, но не перестала пятиться к своей комнате. И не перестала кричать, ведь сдерживаться больше не имело смысла.

Из соседней комнаты вылетела Марго, в ночнушке, с заспанным лицом и всколоченными волосами. При виде истошно вопящей Ники, она встревоженно спросила:

– Ты чего? Опять кого-то увидела?

Из комнаты Марго показалась громадная фигура Владимира Кузьмича. В другое время Ника изумилась бы появлению физрука, но сейчас ее мысли скакали вокруг умершего дяди.

«Похороны. Ведь были похороны! – взревело что-то в ее голове. – Мемориальная доска на стене школы. Некролог в газете».

– Дерягина, совсем очумела? Что так раскричалась? – вытаращился на нее Кузьмич. – Упала? Ударилась? Больно тебе?

Ника перестала кричать. Ее тело била нервная дрожь, заставляющая выстукивать зубами жалкую пародию на чечетку.

– В подъезде... Он стоял там.... Я видела... – Ника указала на входную дверь.

Ее ошарашенного взгляда и дергающихся губ было достаточно для того, чтобы Кузьмич решительно бросился в подъезд. Послышался грохот шагов. Дверь качалась, то открывая вид на лестничную клетку, то закрывая. Вскоре Кузьмич вернулся и озадаченно сообщил, что снаружи никого не встретил.

– Ник... Расскажи, что случилось? – Марго обняла ее за плечи. – Что с тобой происходит?

«Я вижу мертвецов», – хотела сказать Ника, но лишь безудержно разрыдалась.

8

Арт-галерея «Приволжское творчество» не слыла крупнейшим или известнейшим пристанищем творцов в Нижнем Новгороде, однако сегодня ее залы были полны посетителей. В

честь открытия новых выставок трех местных художников в холле разместили стол с канапе и бокалами, наполненными шампанским. Судя по тому, как пара посетительниц расхохотались над чудовищно старой шуткой, спиртное пользовалось спросом. Глеб Козловский взял бокал с шипящей жидкостью, чтобы не выделяться из творческой компании, хотя сам не жаловал ни шампанское, ни художников. Большинство из них были посредственными лентяями, вечно жалующимися на недостаток вдохновения и существующими за счет накоплений родителей. Их бы на завод – пусть на конвейере попробуют понять о творческом кризисе!

По крайней мере, в галерее не было говорящих свиней. Козловский едва не сломал ножку бокала при мысли о той нелепой шутке в ресторане. Шутке – не более того. Пранкеров развелось больше, чем простых работяг. Возможно, в поросенка зачихнули микрофон или звук шел из-под стола. С помощью лески или моторчика голову и копыта заставили шевелиться. Мало ли способов?

«Движение челюстей в точности совпадало с фразой, которую произносила свинья, – вспомнил Козловский. – А голос подобрали самый отвратный. Низкий и скрежещущий».

Он взглянул на указатели с фамилиями новых художников. Две из них ни о чем ему не говорили, но третья была знакома лучше, чем хотелось. Козловский удовлетворенно кивнул и, постукивая тростью по вычурным, разрисованным плитам, двинулся вдоль коридора, увешанного картинами. Каждая из них не имела ничего общего с реальностью: шестиугольный глаз, розовый стул в картонной коробке с дырками, жаба с десятком человеческих сосков и гигантский квадрат, пожирающий человека. Наверняка в изображенных образах скрывался глубокий символизм, но Козловскому он был неведом. В «Черном квадрате» Малевича тоже находили великое отрицание или всеобщее ничто. Козловский же видел квадрат черного цвета, который ничуть не отличался от других квадратов.

Следующая картина заставила его остановиться. На полотне была изображена тень в свете фонаря, но без человека, чья фигура могла бы ее отбрасывать. Прохожие, нарисованные грубыми мазками, старательно обходили и свет, и тень, предпочитая оставаться в полумраке. Картина называлась «Одиночество».

Гадать над содержанием не пришлось – Козловский хорошо ощутил тяжесть его груза на себе. Он сам был одиноким неудачником последние пятнадцать лет. В основном стараниями Вали, бывшей жены. До встречи с ней Козловский жил скромно, но у него хотя бы имелась двухкомнатная квартира, доставшаяся в наследство от умершей матери. Зарплаты заводского рабочего хватало на коммуналку, еду и нехитрые развлечения. Разве что женского внимания порой не хватало.

В один прекрасный день Глеб Козловский познакомился с Валею – привлекательной и неглупой вдовой, моложе его на девять лет. Отношения закрутились так быстро, что через несколько месяцев они расписались и стали жить вместе. А еще через год Козловский продал собственную квартиру, чтобы помочь сделать ремонт Вале и закрыть долги, доставшиеся ей после смерти первого мужа. Мог ли он догадаться, к чему все придет? Пожалуй, если бы хоть раз трезво взглянул на ситуацию.

Валю как подменили. Некогда редкие скандалы вспыхивали каждый день. Секс, напротив, окончательно исчез из жизни. Из любимого и работающего Козловский превратился в наскучившего и обленившегося. Его мнение значило меньше, чем ничего. Словом, он почти не удивился, когда очутился на улице без копейки за душой и проигравший все суды о разводе и разделе имущества. Вдобавок завод перешел на автоматизированное производство, а Козловского уволили, как не прошедшего аттестацию. Вот она – живая версия «Одиночества». Пожалуй, к картине Козловский добавил бы презрительные взгляды, которые так любили бросать прохожие при виде грязного несчастного бродяги.

Он пригубил бокал. Кисловатый вкус шампанского развеял дурные воспоминания. Козловский покачал головой. Надо же, одна из картин действительно задела его за живое. И следу-

ющая тоже неплоха: человек с золотистой кожей, сверкающими глазами и блаженной улыбкой на лице стоит на пьедестале, а снизу к нему тянутся грязные руки. Одна вцепилась в ступню, разодрав кожу до крови. Надпись под картиной гласила: «Удача».

Козловский усмехнулся и качнул бокалом, будто собирался чокнуться с картиной. Только благодаря удаче он здесь и стоит. Купить изменивший судьбу лотерейный билет его уговорил Серега – один из множества бродяг, ночевавших в подвале заброшенного дома. В подвале «Базы», как ее называли местные. Язык Сереги вечно заплетался, а зрачки выглядели пугающе широкими. Козловский не сразу узнал, что причиной служили «волшебные таблетки», побочными (и желанными для некоторых) эффектами которых были галлюцинации. Серега частенько глядел в стену и безостановочно транслировал окружающим несвязную чушь. Однажды он неожиданно схватил Козловского за руку, бормоча набор цифр: три... восемь... девять... одиннадцать... тридцать... Одно и то же по кругу. Козловский запомнил их против воли. Утром, прежде чем закинуться таблеткой, Серега вполне осмысленно заявил, что цифры выигрышные, и удачу принесут любому, кроме него самого. Козловский собирался потратить деньги на мазь от артрита, но все-таки рискнул взять лотерейный билет. С теми самыми цифрами. И вот какая штука: двести шестьдесят миллионов рублей свалились на него в один момент. Козловский уверовал в их реальность только после того, как потрогал собственными руками. Почти месяц уже прошел, а он так и не привык к тому, что просыпался в чистой кровати и уютной квартире, питался в ресторанах, пил дорогое вино и носил модную одежду.

Преодолев коридор, Козловский оказался в маленьком зале, отведенном для выставки малоизвестной художницы. Висевшие здесь картины были посвящены городской жизни: мальчик, бегущий за автобусом; рабочие, переодевающиеся после смены; разрушенные дома на окраине. В усталом мужчине, моющем старый автомобиль, Козловский узнал себя. Вспомнил как позировал, как трудно было стоять неподвижно несколько часов подряд. Картина долго пылилась где-то в чулане, а теперь предстала для всеобщего обозрения. Только судьба у нее будет незавидная.

Немногочисленные посетители рассматривали картины и тихо переговаривались. Белокурая женщина в темном пиджаке и длинной юбке подходила к каждому гостю и стремилась что-то объяснить. Затем ее взгляд упал на Козловского. Фраза, которую она начала говорить, так и осталась недосказанной; брови в удивлении взлетели вверх.

– Давно не виделись, Валя, – ухмыльнулся Козловский. – Я все еще живой. Удивлена?

– Что ты здесь забыл? – нервно поинтересовалась Валя, быстрым шагом направляясь к нему.

Внешне она постарела, хотя не так, как представлял себе Козловский: добавилось морщин вокруг глаз и на шее, сутулость стала заметна сильнее. Укоротилась стрижка, исчезла обтягивающая одежда. Впрочем, фигуру Вале удалось сохранить почти без изменений.

– Любуюсь картинами, как остальные гости, – невозмутимо ответил Козловский.

– Мне позвать охрану?

– Зачем?

Валя покосилась в сторону посетителей, которые явно предпочли стремительно разгорающийся скандал угрюмым лицам рабочих и пустующим троллейбусам.

– Даже не делай вид, что это простое совпадение, – понизила голос Валя. – Ты приперся из-за меня, и ежу понятно. Извинений хочешь? Чтобы я ползала на коленях? Не дожدهшься!

– За что тебе извиняться? Подумаешь, оставила человека без жилья. По современным меркам ты почти святая.

Ее лицо покраснелось. Валя набрала полную грудь воздуха – для того, чтобы позвать охрану или покрыть Козловского отборными ругательствами, однако в тот же момент в зале появился администратор. С вежливой улыбкой он обратился к Козловскому:

– Глеб Иванович, ваши покупки будут доставлены уже завтра. Это немного против правил, так как мы предпочитаем оставлять их до конца выставки. Хорошо, что директор решил пойти на уступки. Понять его можно: гости редко скупают целый зал разом.

Валя закашлялась. Администратор сочувственно протянул ей носовой платок.

– Благодарю, – чуть поклонился Козловский.

– Ты покупаешь картины? – недоверчиво взглянула на него Валя.

– Ваши картины, – поправил ее администратор. – Все, до единой.

Трель телефонного звонка заставила его извиниться и отойти в сторону. После неловкой паузы Валя уточнила:

– Ты появляешься из пепла через тысячу лет, как разодетый и расфуфыренный феникс, а затем скупаешь все мои картины, так?

– Верно.

– Какого черта? – Она всплеснула руками. – Зачем?

– Собираюсь их сжечь. Не оставляю от картин ни следа. Ни воспоминания. Золу использую как удобрение для своих георгин, – Козловский изобразил задумчивость. – Мда, георгины действительно стоит завести.

– Деньги-то я все равно получаю. Вижу, ты окончательно спятил.

– Картины стоят не так уж дорого. Плюс большой процент возьмет галерея, – рассуждал Козловский. – Столько лет ты добивалась известности и ждала персональной выставки, ждала восхищенных зрителей... Но с завтрашнего дня твои картины никто не увидит. Критики промолчат, в газетах не напишут и строчки, а зал оформят под другого художника. Годы кропотливой работы коту под хвост.

Он ожидал яростного выпада или истерики, которые Валя регулярно устраивала во время их брака. Может, пощечины, которая непременно вызвала бы множество слухов среди посетителей и работников галереи. К удивлению Козловского, Валя отреагировала сдержанно. Смерила его почти равнодушным взглядом – лишь дрожание губ говорило о кипевших внутри нее переживаниях. Поправила пиджак и тихо заметила:

– Деньги у тебя появились, а мозги и достоинство – исчезли. Вырядился в какое-то барахло, наверняка шляешься по значным местам... Отомстить решил... – Она вытерла мокрые глаза. – Молодец какой. Все у тебя получилось. Ты ведь даже не подумал сделать что-то хорошее. Нет? Мог бы дать больным детям второй шанс, обустроить приюты для животных или пристанища для бездомных, каким был сам. А тебе лишь бы измазать всех грязью!

Она выбежала из зала так быстро, что Козловский не успел ответить. Впрочем, он не успел бы ответить и минутой позже – слова будто застряли в глотке. Было стыдно, практически больно признаваться в том, что Валя оказалась права. Когда-то она поступила отвратительно. Теперь он поступил отвратительно в ответ. Кому стало лучше? Козловский рассчитывал на сладкое упоение мстостью, но ощутил только разочарование от самого себя.

Он поплелся к выходу, лениво отмахнувшись от навязчивого администратора. Картины привезут, никуда не денутся. Мысль о том, чтобы сжечь их, перестала казаться заманчивой.

Козловский вышел из галереи, принялся спускаться по лестнице, но посередине остановился. Он продолжал перебирать в уме встречу с Валею, а потом сообразил, что стоит, вцепившись в поручень. Причина осознавалась смутно – тело сигнализировало о присутствии угрозы навязчивым зудом. Похожие ощущения Козловский испытывал при виде стремительно приближающегося к нему автомобиля или путешествия на самолете. Он настороженно осмотрелся.

Дело было в подростке с собакой – золотистым ретривером. Подросток глазел в телефон, второй рукой поигрывая петлей от поводка. Собака гадила возле основания дорожного знака. Она повернула голову в сторону Козловского и открыла пасть, полную острых желтоватых зубов.

- Парень, убери собаку отсюда, – проворчал Козловский.
- Она еще не закончила, – ответил подросток, не отрываясь от телефона.
- И намордник ей, конечно, ни к чему, да?

Собака коротко гавкнула. Угрожающе вытянула шею ближе к лестнице. Козловский отшатнулся и заорал:

– За-за-а... А, стерва! Забирай свою паршивую псину и вали прочь! Если она укусит меня, если у-укусит...

Он вновь стал заикаться, как вечно случалось с ним во время нервного напряжения или испуга. Простые слова превращались в сложные конструкции, преодолеть которые позволяло лишь волшебное выражение «А, стерва!».

Подросток разочарованно сунул телефон в карман и вытаращился на Козловского:

– Джеки не кусается. Чего привязались? Обойти не можете?

Видимо, он разглядел на лице Козловского нечто такое, что заставило его натянуть поводок и поспешить дальше по тротуару. На прощание ретривер дважды гавкнул и махнул хвостом. Козловский выдохнул. Он повел себя слишком резко из-за проклятой псины. Она вывела его из равновесия. Не рычала, не пыталась напасть, и все же ничто не мешало ей сделать это в любую секунду.

«Кто знает, что могло взбрести псине в голову, – попытался найти оправдание Козловский. – К тому же она была без намордника».

Он дождался такси и остаток пути провел в полном молчании.

9

Впервые за полтора года Ольга взяла отгул. Не записалась в спа-салон, к парикмахеру или своему мастеру маникюра, а осталась дома, где чувствовала себя спокойно и в безопасности. Она любила эту квартиру, приобретенную всего пару лет назад. Красивый, малоэтажный дом. Просторные, светлые комнаты. Дорогой ремонт из «качественных европейских материалов», как повторял дизайнер, прежде чем сообщить, что его услуги вновь выросли в цене.

Вместе с Юркой они долго и мучительно подбирали мебель к каждой комнате. Вернее, Юрка в основном поддакивал, так как пойти против воли жены для него было равносильно каторжным работам. «Да, милая, отличный стол», «Да, милая, ты выбрала потрясающий шкаф», «Милая, твой вкус безупречен» и так далее. Хотя массивный клетчатый диван попал в гостиную именно стараниями Юрки, ведь он отлично в этом разбирался. За годы «поисков себя» – годы безработицы, обучающих курсов, мотивационных тренингов и попыток открыть свой бизнес – диван для Юрки стал настоящей тихой гаванью. Некоторые просто не способны к длительному, напряженному труду. Зато он никогда не отказывался от уборки или готовки, за что Ольга была искренне благодарна.

Вот и сейчас Юрка вызвался сбегать в магазин за продуктами. Поначалу Ольга собиралась воспользоваться доставкой, но мысль о том, что заказ привезет незнакомый человек, бросила ее в холодный пот. Ради Бога, он ведь может оказаться маньяком, извращенцем или накачанным наркотиками!

«Ни один из курьеров, которых ты вызывала раньше, не пытался тебя убить», – прозвучал в голове отголосок той ее части, которая отличалась упрямством, твердостью и авторитарностью.

– Но может попытаться именно сегодня, – возразила Ольга сама себе. – Одного раза будет более чем достаточно.

С утра ее телефон разрывался от звонков. Она не ответила ни на один. Отправила сообщения по самым срочным вопросам, грустно поглядела на пропущенные звонки... То, что раньше давалось ей легко, без малейших усилий, теперь повергало в панику. Куда только делась прежняя уверенность? Через телефон никто не смог бы ударить ее или попытаться изнасиловать, но оскорбления или непристойные предложения были бы немногим лучше. Один или

несколько звонивших точно хотели выкинуть какую-нибудь пакость. Ольга это чувствовала. Ненормальные придурки.

«Ты понимаешь, что сама ведешь себя ненормально? – вновь послышался голосок ее слабеющей «железной» части. – Возьми себя в руки! Используй логику и здравый смысл!»

Час назад Ольга рассматривала из окна толпы людей, спешащих по своим делам и совершенно не боящихся того, что кто-нибудь из них окажется безумным маньяком или террористом-смертником. Они ездили на автобусах, спускались в метро или обедали в кафе каждый день без всяких трагических инцидентов. Совсем недавно Ольга отличалась от них лишь тем, что могла с легкостью управлять целым отделом продаж. Ей нравилось отдавать команды и наблюдать за результатами их выполнения. Нравилось – что уж скрывать – заискивание в глазах подчиненных. Почему все изменилось?

«Нечто подобное с тобой уже происходило, – настаивал голосок. – Ты справилась. Помнишь?»

– Но ведь это было так давно! И так же давно закончилось! – Ольга закрыла глаза.

Воспоминания обрушились на нее. Над Олей в школе постоянно смеются: она носит огромные очки, сутулится, плохо одевается, а ее мама в ларьке торгует водкой, пивом и сигаретами поштучно. За это одноклассницы наделяют ее кличкой «Кэмел». И Оля не может возразить – тихая, скромная девочка, которая не понимает, почему с ней так грубо обращаются. Она ждет, когда одноклассницам надоест, и насмешки сойдут на нет. Ждет учебный год и летние каникулы, но в седьмом классе появляется новенькая – дылда с короткой стрижкой и грубыми руками – и все становится хуже. Дылда не любит смеяться – она любит унижать. Дылда не настолько тупа, чтобы бить Олю в школе – она выжидает ее на улице, возле гаражей или на узких дорожках в парке. Дылда не действует одна – ей нужна публика. Она избивает Олю палкой или толкает в кучу собачьего дерьма («жри, Кэмел»), или плюет в лицо, или рвет одежду и повторяет это до тех пор, пока Оля не начинает шарахаться от людей и устраивать истерики перед школой. Мама водит ее к мужчинам в белых халатах или в костюмах с галстуками, а иногда – к старухам, живущим на отшибе и пахнущими травами, но все эти специалисты оказываются бессильными. Все, кроме одного молодого психиатра, который выписывает ей таблетки, погружающие ее мозг в вязкое, мутное болото. И все же после курса лекарств и перевода в другую школу Оля вновь возвращается в мир людей. В каком-то смысле она становится лучшей копией себя, поскольку клянется, что больше не позволит кому бы то ни было угнетать ее. До недавнего времени клятва остается нерушимой.

Ключ заворчался в дверном замке. Ольга бросила испуганный взгляд в сторону прихожей, не сразу вспомнив о том, что Юрка должен был вернуться из магазина с продуктами. И когда вспомнила, успокоиться не смогла.

Любил ли он ее на самом деле? Или притворялся, что любит, лишь бы сидеть на шее? Ради этого вполне можно стерпеть готовку, уборку и властные указания Ольги. А теперь она слаба, очень слаба и зависима от него. Кто знает, как Юрка это воспринял? Например, вместо продуктов купил наручники, кляп и ножовку по металлу.

Ярко представив себе безумные глаза Юрки, его покрытые кровью пальцы и скрежет пилы по кости, Ольга метнулась в спальную, захлопнула дверь и закрыла замок. Завертела головой, вытаскивая из вороха мыслей хоть что-то полезное. Восьмой этаж перечеркивал возможные попытки бегства через окно. Не настолько она отчаялась.

«Какая еще ножовка? – простонал слабый голосок. – Юрка даже нож подточить не может как следует».

– В тихом омуте черти водятся, – парировала Ольга, двигая тяжелый стол к двери.

Из прихожей послышались шум шагов и недоуменные возгласы Юрки. Ольга распахнула дверцы стеллажа и принялась перерывать его в поисках средства защиты. На глаза попалась коробочка с косметическими принадлежностями. Ольга перевернула ее и открыла крышку.

Содержимое со звоном вывалилось на пол. Пилочка для ногтей удобно легла в одну руку, маникюрные ножницы – в другую. Ольга отошла от двери и вжалась в угол спальни. Первой она нападать не станет... если не заметит ножовку по металлу или садистское выражение лица Юрки.

– Милая, ты где? – прозвучало из глубины квартиры. – А я тебе вкусенького купил. Сегодня о диете предлагаю забыть! Сто раз говорил о нехватке витаминов. Питание должно быть каким? Разнообразным.

Ольга не ответила. Она разрывалась между желанием забиться в какую-нибудь щель подальше от злобных глаз и тем, чтобы попросить Юрку о помощи. Он никогда не делал ей больно, не повышал голос, а любил, угождал и лелеял. Он совершенно не такой, как остальные. Мягкий и отзывчивый. Наверняка принес ее любимый меренговый рулет лишь для того, чтобы порадовать.

Когда дверная ручка затряслась, Ольга издала слабый писк. Хотелось закричать во всю мощь легких, но самоконтроль не оставил ее окончательно.

– Вот ты где! А я ищу, ищу, – прозвучал ласковый голос Юрки. – Дверь почему-то не открывается. Ничего не понимаю. Замок защелкнулся, что ли?

– Не защелкнулся. Дверь закрыта.

Для того, чтобы понять степень недоумения Юрки, вовсе не нужно было видеть его лицо.

– Милая... – он запнулся, подбирая слова. – Если я где-то провинился, то так и скажи. А сам не припомню. Ставками больше не увлекаюсь, честно. Все равно постоянно проигрывал. И однокурснику из друзей удалил, как ты просила.

– Что у тебя в руках?

Ольга обреченно уставилась в потолок. Вопрос прозвучал странно даже для нее.

– Пакет с едой. – За дверью послышалось шуршание полиэтилена. – Немного фруктов, мясо для сочных стейков и меренговый рулет. Еще я принес розы, чтобы тебя подбодрить. Красные, твои любимые.

Ольга возненавидела себя за то, что сомневалась в Юрке. Он не был способен ей навредить. Вовсе не из-за чувств, некогда казавшихся ей прочнее стального каната. Из-за природной мягкости. Иной раз Юрка переключал канал или останавливал видеоролик, если в нем показывали слишком много крови, насилия и прочей мерзости. Он постоянно выносил дворовым кошкам еду, лишь бы они не голодали. Трудно было представить столь кроткого человека в роли убийцы или насильника. Полная противоположность Дылды из школы.

– Так ты откроешь? Или могу отправиться готовить обед, пока тебе не полегчает? – расстроенным голосом спросил Юрка.

– Знаешь... – неуверенно начала Ольга.

– Да, милая?

– У меня что-то не так с головой. Тяжело говорить, но это правда. Я боюсь людей, почти каждого встречного. Такой беспричинный страх, который приходит откуда-то извне. Его будто засадили внутрь с помощью таблеток или каких-нибудь препаратов, распыленных в воздухе. Глупо, да? Глупо. Я чувствую, что мне хотят сделать больно. Знаю, что на самом деле не хотят, наверное. Но ничего не могу с собой поделать.

Ольга отбросила от себя пилочку для ногтей и маникюрные ножницы. Подумать только, она готова была вонзить их в собственного мужа!

– Думаешь, я могу тебе навредить? – спросил Юрка.

– Нет... Да... Не знаю! Разве не слышал, что я сказала?

– Милая, да я скорее сделаю больно себе, чем тебе. У меня полно недостатков: нет нормальной работы, нет внешности кинозвезды, и я никак не могу избавиться от храпа, который тебя раздражает. Перечислять можно бесконечно. Но я никогда, никогда не подниму на тебя руку.

После этих слов Ольга почувствовала, как к ней медленно возвращается тонкое, почти призрачное ощущение безопасности. Тревога никуда не делась. Нет, она по-прежнему сидела глубоко внутри, но голос ее стих.

– Юр? – слабо произнесла Ольга после долгой паузы.

– Да, милая?

– Мне нужна помощь. Сама я не справлюсь.

10

Пепел мрачно уставился на окно, задернутое тяжелыми льняными шторами. За плотной тканью скрывался захватывающий вид на Волгу, зеленый горизонт и новостройки Бора. Риэлтор трижды упомянула об этом, когда продавала квартиру. Видимо, боялась, что Пепел переживает из-за семнадцатого этажа. Вид и в самом деле был роскошный, лифты в доме – грузовой и пассажирский – работали превосходно, а техническое помещение сверху давало какую-никакую гарантию от протечки крыши. Из-за этажа квартира продавалась с приличной скидкой, что порадовало Пепла еще больше. То, что их группа давно выбралась из андеграундных клубов – еще не повод переплачивать за пустую бетонную коробку.

Бетонная коробка с тех пор превратилась в уютную берлогу в стиле «лофт». Может, кому-то и не нравились необработанные кирпичные стены или голые лампочки под потолком, но Пеплу было наплевать. Излишне раскрепощенные фанатки «Частиц пыли» обычно изображали бурный восторг по поводу дизайна, так как боялись впасть в немилость у рок-звезды. Их реальное мнение оставалось загадкой, поскольку Пепел редко видел одну и ту же поклонницу дважды.

Из-за штор в комнате царил полумрак. Пепел не мог заставить себя подойти к окну и впустить в квартиру солнечный цвет. Или хотя бы добраться до кнопки выключателя. Утром ему пришлось ползать на карачках, лишь бы ненароком не кинуть взгляд на крохотные домики, машины и людей-муравьев, снующих где-то далеко внизу. Пеплу казалось, что стоит подняться чуть выше подоконника, и он непременно выпадет наружу из-за неловкого движения. Его ноги дрожали до тех пор, пока шторы не перекрыли вид наглухо. После этого Пепел передвинул кресло к противоположной от окна стене, упал в него, тяжело дыша и вытирая пот со лба. Мысль о том, что сидит он на высоте в семнадцать этажей, удерживаемый тонким, сомнительного качества перекрытием, едва не выворачивала желудок наизнанку. Бутылка пива, стоящая на подлокотнике, служила в качестве строительного уровня: горизонтальная полоса пены свидетельствовала о том, что дом не переворачивается и не рушится.

До погружения в мир музыки Пепел не раз встречал в драки с переменным успехом: побеждал или проигрывал, но все равно боролся до конца. Однажды угодил в больницу, защищая одноклассницу от пьяных тупоголовых гопников. Не сбежал, не струсил. А теперь трясся от страха, стоило выглянуть из окна собственной квартиры. Не мог исполнить знаменитый «пепельный прыжок» с низенькой сцены. Просто бред какой-то.

Нет, не бред. На позапрошлом концерте все было нормально: фанаты поймали его и долго носили по залу, не желая отпускать обратно. Страх высоты появился внезапно, будто в голове что-то щелкнуло – деталь сдвинулась с места и не могла встать обратно в механизм. Не исключено, что это нелепое помутнение пройдет со временем само собой.

Мощными глотками Пепел допил «Сибирскую корону», задумчиво повертел пустую бутылку в руке. Можно ведь притупить страх известным способом. Он направился на кухню и тут же вернулся с двумя полными бутылками. В холодильнике оставалось еще пол-ящика пива, и этого должно было хватить до завершения эксперимента. Тут главное не перебрать экспериментатору.

Потягивая холодное, освежающее пиво, Пепел включил смартфон и открыл страницу новостных изданий. Ничего примечательного: в городе отремонтировали новую школу, в московском районе случилась вспышка кишечных заболеваний, очередного чиновника поймали

на взятке. Пепел лениво просматривал статьи, пока не наткнулся на ссылку под названием «От них остались лишь частицы. Унылое возвращение музыкантов в родную гавань». Запустилось видео. Энергичный музыкальный блогер с ником «Куролес» поздоровался и стал вещать:

– Привет, народ! Вчера вечером в «Пожарский холл» состоялось выступление обожаемой многими нижегородской группы «Частицы пыли». На всякий случай напомню, что ребята давно играют чумовой гранж, а за последние пару лет успели провести несколько гастролей по России и ближнему зарубежью. Как же я был огорчен тем, что концерт в родном городе вышел попросту унылым!

Лицо Куролеса сменили кадры с концерта, снятые на камеру телефона одного из фанатов. «Частицы пыли» как раз начали играть «Назло всему миру». Пепел знал, что его несостоявшийся прыжок тоже покажут. Чужие неудачи благотворно сказывались на количестве просмотров.

– Парни (к барабанщице совершенно нет претензий) играли без вдохновения. Походу, отработывали повинность, – хохотнул Куролес. – Грязное звучание – норма для гранжа. Вспомним хотя бы «Нирвану». Но неужели нельзя было постараться и сделать так, чтобы гитара не перекрывала вокал? Кстати, о вокалисте. Александр «Пепел» Пепеляев так и не исполнил свой коронный прыжок, несмотря на призывы фанатов. Как вам такое? Все равно, что «Кока-Кола» без газиков! Возможно, для этого были веские причины, но я-то прекрасно помню – лично видел – как он прыгал даже с ногой в гипсе. Привет, разочарование. А теперь о сет-листе. Новых песен мы не услышали. Они есть вообще? Казалось бы, за два с лишним года...

Пепел выключил смартфон. Долбаный блогер! И звук ему не понравился, и концерт получился унылым, и прыжка не было... Пепел помнил эйфорию, охватившую его во время выступления, и восторженные лица поклонников. Помнил слаженную игру Лося, Чихача и Лиры. Они ведь старались, черт возьми! А прыжок... Что ж, хорошо бы всегда выкладываться на сто процентов, но, извините, так не бывает.

Пиво принесло приятное расслабление – недостаточное для отважного похода к шторам, но близко к тому. Пепел скользнул взглядом по плакатам, висящим на стене: «Nirvana», «Pearl Jam», «Пионерлагерь Пыльная Радуга» и последний, конечно же, «Частицы пыли». Огромные красные буквы и четверо ребят с серьезными лицами. Старенькая фотография, ей уже лет семь, не меньше. Пепел на ней выглядел совсем молодым: худым, гладко выбритым и с длинными осветленными волосами, как у Кобейна. Теперь он предпочитал стричься коротко и чуть поднабрал вес, хотя грустный и пронзительный взгляд карих глаз не потерял. А еще набил серию татуировок от живота до шеи: в основном, узоры в духе народов маори.

В чем-то Куролес был прав. Можно обойтись без «пепельных прыжков» – ломать гитары, звать фанатов на сцену или даже опуститься до лазерного шоу. Скучнее не станет. Но группа движется в направлении дна, это точно. Скатывается в небытие. За два года они не написали ни одной новой стоящей песни. Выходило либо вторичное дерьмо, либо оригинальное, но все равно дерьмо. Вот и приходится теперь паразитировать на старом творчестве, из которого лишь одна песня стала признанным хитом. Такими темпами конец группе придет через несколько лет. И что дальше? Сольная карьера? Новый состав? Безысходность.

«Назло всему миру» когда-то вонзилась в голову острым клинком. Мелодия пришла почти целиком готовой, слова складывались в рифму точно и емко.

«Ты был на пике вдохновения», – заметила Лира, услышав песню.

Точно, был. Будет ли снова?

Пепел прикончил очередную бутылку. Встал с кресла и едва не рухнул обратно, ощутив сокрушительный удар по мозгам, который вскружил голову, точно циклон. Глаза ни за что не соглашались смотреть в одну точку. Глубоко изнутри поднималось беспричинное и дурашливое веселье.

– Вот теперь полный порядок, – заплетаясь языком произнес Пепел. – Сейчас мы с тобой поиграем, детка.

Он двинулся к окну, зацепив плечом металлическую стойку с одеждой. Она с грохотом ударилась о стеклянную дверцу шкафа, осколки посыпались на пол. Пепел не обратил на них внимания. Его пальцы коснулись штор, замерли, затем рванули в сторону, впуская в квартиру яркий солнечный свет. При виде машин, проезжающих далеко внизу, Пепел ощутил поднимающуюся волну паники, которую с трудом сдерживали три выпитые бутылки «Короны».

– Я могу больше, – упрямо пробормотал Пепел, нащупывая и поворачивая оконную ручку.

Порыв ветра щекотал кожу. Звуки улицы доносились ярко и чисто. Ничто не могло навредить Пеплу, ничто не пыталось вытащить его из окна и сбросить на асфальт или крышу машины, и все же нечто в его голове умоляло убраться как можно дальше: сесть на кресло, переехать в землянку или залезть в темный подвал.

– Я могу больше, – повторил Пепел, залезая на подоконник.

Получилось не с первого раза. Алкоголь путал движения, незримые лучи ужаса гнали прочь. В конце концов Пепел умудрился встать в оконном проеме, расставив руки в стороны. Никто из прохожих внизу не замечал человека, в одних трусах застывшего на подоконнике семнадцатого этажа. Никто не знал, насколько тяжело для него опустить голову и взглянуть страху в лицо.

Порывы ветра усилились, как будто пытались выхватить тело Пепла из оконного проема и кинуть его навстречу неизбежной смерти. Ладони покрылись каплями пота, скользили по гладкой пластиковой поверхности. Пепел решительно опустил голову и едва не разжал пальцы – пятьдесят метров чистого пространства кружили голову, гипнотизировали и манили. Последний коронный прыжок – вот потеха! Сколько секунд пройдет перед столкновением?

«Я могу покончить с этим прямо сейчас, – вспыхнула соблазнительная мысль. – Простое решение всех проблем. К тому же творчество мертвецов всегда продавалось лучше».

Он не сразу заметил, что высунулся почти по пояс. Склонился вперед, как спринтер, готовый к стартовому сигналу. Медленно, избегая резких движений, Пепел двинулся назад и слез с подоконника. Ощувив под ногами холодный паркет, он шумно выдохнул. Что на него нашло? Чуть было себя не прикончил!

Шатающейся походкой Пепел вернулся к креслу. Смартфон известил о двух пропущенных звонках от Чихача. Наверное, насчет следующей репетиции. Еще пришло сообщение от Лося: «Смотрел обзор на концерт? Куролес проехался по нам знатно. Вот лажа-то».

«Видел бы ты меня минуту назад, Лось, – усмехнулся Пепел. – Вот где настоящая лажа».

Страх по-прежнему маячил на задворках. Не угас окончательно, но и не разгорался, пока окно (пусть даже открытое) находилось на почтительном расстоянии. Неожиданно Пепел почувствовал себя легче от того, что нужен хоть кому-то. Поклонники могли имитировать радостные эмоции, но Лось, Чихач и Лира всегда были к нему искренни. Он открыл список контактов и принялся просматривать его, задаваясь вопросом, кто из этих наборов имен, фамилий и прозвищ пожалел бы о его смерти.

Добравшись до буквы «Н», Пепел завис, так как думал, что давным-давно удалил этот контакт из памяти телефона. Поколебавшись немного, он ткнул в кнопку звонка. Может, и хорошо, что не удалил. Может, есть какой-то закон природы, согласно которому после трех бутылок пива следует позвонить бывшей.

– Тебя я ожидала услышать меньше всего на свете, – раздалось в динамике телефона после пары гудков.

Ее голос не был недовольным. Скорее, усталым.

– Привет. Только не подумай, что я напился и вновь воспытал к тебе горячими чувствами. То есть напился, но не воспытал. – Пепел закрыл лицо ладонью, понимая, какую чушь несет. – Короче, я не собираюсь, стоя на коленях, умолять тебя начать отношения сначала.

– Весьма разумно с твоей стороны, – спокойно ответила она.

– Ты как вообще? Без проблем? Жизни радуешься?

Боже. Почему всякий тупизм лезет в голову в первую очередь? Пепел попытался сосредоточиться.

– Уверена, что ты позвонил не для обсуждения радостей жизни, – хмыкнула она в динамик.

– Да. Точно. Забавный вопрос: в психологии все еще разбираешься?

– Учусь разбираться, – оживилась она. – Почему ты спрашиваешь?

– Похоже, у меня возникла проблема как раз по твоей теме. Я могу обратиться к кому-нибудь другому, но ты... – Телефон выскользнул из рук. Пепел успел поймать его в последний момент перед столкновением с полом. – Прости. Я хотел сказать, что ты меня знаешь. Включая все мои недостатки и косяки, которых, я не отрицаю, довольно много. Не хочу рассказывать о своей ситуации по телефону. Если не можешь встретиться лично, я пойму.

– Встретимся с одним условием.

– Легко. Говори.

Тяжелый вздох.

– Ты принесешь кофе, а затем выслушаешь меня, – сказала Ника. – Ты не единственный, кому нужна помощь.

11

– Слово «чернове́д» мне ни о чем не говорит, – признался Егор, оглянувшись на сумку с торчащей из нее книгой. – Немного напоминает «чернозем», но на фермера вы не тянете. Еще приходят ассоциации с Черным морем. Вы же не предлагаете мне стать водолазом?

– Водолазом? – хохотнул Мечников. «Фольксваген» под его управлением чуть вильнул в сторону. – Прости, меня это позабавило. Никто мне такого не говорил. На самом деле, общего у меня с водолазами лишь то, что иногда приходится погружаться в беспросветные глубины. Как из них выбраться – та еще история.

Мимо промелькнул знак: «Нижний Новгород – 170 км». Через каких-нибудь два с лишним часа начнется новая жизнь, о которой грезил Егор. Жизнь без пьяных скандалов, грязи, въедливого запаха табака и тупых упреков. Без отчима, высшей точкой удовольствия которого было нажраться и провести всю ночь, шляясь по квартире и разговаривая с самим собой. Иногда Егор спрашивал себя, действительно ли отчиму нравилась такая жизнь? В чем прелесть нажраться до животного состояния, а потом разбить руки в кровь о дверной косяк или сломать телевизор, купленный на свои же деньги? Себя-то Егор спрашивал, а отчима – никогда. Мама говорила, что лучше хоть такая поддержка, чем тащить все в одиночку, поэтому не нужно выводить ее мужчину вопросами, ответы на которые никому не понравятся.

Если бы отец не умер, все было бы совершенно иначе. Может, не пришлось бы бежать из города – бежать от тоски, безысходности и обреченности.

И вот результат: Егор получает предложение о работе в первый же день. Правда, суть работы еще предстояло выяснить. Он терпеливо ждал, пока Мечников вновь начнет говорить.

– Представь себе любого человека с самым обычным образом жизни: семья, дом, работа. Иногда хобби, если остается свободное время. Он вполне доволен. Никому не желает зла, старается поступать по совести, – продолжил рассказывать Мечников. – Трудяга, семьянин – основа любого общества. Но однажды с ним случается какая-то напасть. Например, он начинает видеть пугающие образы, которые в действительности не существуют: пауков с человеческими лицами или крапивников в зеркалах.

Егор решил спросить о том, кто такие «крапивники», позднее. Сначала стоило узнать насчет работы.

– Или тело бедолаги чернеет и покрывается пульсирующими отростками, – непринужденно говорил Мечников. – Или он теряет сознание, днем позже просыпается покрытый кровью с ног до головы, а рядом лежит мертвое, изувеченное тело. Иногда эти приступы проходят сами собой. Чаще же всего нашему трудяге-семьянину становится только хуже.

– Похоже на болезнь. Рак или что-то психическое, – заметил Егор. – У меня так сосед с ума сошел. Считал, что его преследуют люди из ФСБ. Потом в окно выпрыгнул с восьмого этажа. Хорошо, что выжил.

– Без всякого сомнения похоже! – кивнул Мечников. – Только с болезнью врачи могли бы справиться. А в случае с нашим трудягой они бессильны. Итак, диагнозы медиков ложные, назначенное лечение не помогает. Они собирают консилиум, меняют лекарства – тщетно. Не существует таблетки, способной убить напасть такого рода. Не существует и скальпеля. По крайней мере, в привычном смысле слова.

Мечников по-прежнему вел повествование таким образом, что Егор не мог предсказать его кульминацию и развязку. Человек-загадка, как и его истории. Однако теперь письмена в салоне «Фольксвагена», амулеты, четки и странные иконы выглядели иначе. Как инструменты, предназначение которых осознавалось смутно.

– Что за напасть? – спросил Егор.

– Мы подбираемся к самому интересному. – Мечников мотнул головой, указывая на заднее сиденье. – Сделай одолжение, возьми книгу из сумки и пролистай ее. Почитай пару страниц, если хочешь. Сейчас можно. А я попытаюсь подобрать нужные слова так, чтобы ты не посчитал меня страдающим от старческого слабоумия.

Егор отстегнул ремень безопасности, перегнулся через сиденье и дотронулся до корешка книги. Едва ощутимая волна пронеслась от кончиков пальцев до затылка. Такая быстрая, что ее легко можно было принять за дуновение ветра или игру воображения, если бы не мурашки, отрядом высадившиеся на задней части шеи.

«Будто прошелся рядом с трансформатором», – подумал Егор, пристегиваясь ремнем безопасности обратно.

Книга лежала на коленях. Массивная, с шероховатой кожаной обложкой, на которой крупными буквами значилось: «КНИГА ТРЕВОГ». Название не предвещало ничего хорошего. Плотные страницы книги – по виду картон – на ощупь казались чем-то средним между денежной купюрой и пластиком. Почти все исписаны аккуратным мелким почерком. От книги веяло чем-то нереальным, словно ей не было места ни в этой машине, ни в этой стране, ни в этом мире.

Егор нерешительно перевернул несколько страниц. Его взору предстало изображение генеалогического древа с одной странностью: даты указывали на то, что сразу девять членов семьи умерли в один год. В верхней части страницы Егор прочитал: «Потомственное проклятие смерти».

– Возвращаемся к нашему гипотетическому семьянину. С каждым днем он страдает все сильнее, напасть не сходит. Все это грозит закончиться плохо, отвратительно и ужасно, – нахмурился Мечников, обгоняя старенькую «Ниву», неспешно следующую почти посередине дороги, – если не появится черновед. То есть ведающий о неких черных сторонах жизни. Иначе говоря, о неестественных или необъяснимых бедах, которые неожиданно случаются с самыми разными людьми. Часто того не заслуживающими.

– Вы говорите о проклятиях, – полувопросительно сказал Егор, разглядывая очередную страницу Книги Тревог.

Проклятия – вот суть, к которой так долго подбирался Мечников. Нечто злое, скользящее жертву, заставляющее ее страдать или делать что-то против воли. Егор подумал, что

проклятие было бы прекрасным объяснением того, почему его мать после нескольких недель или месяцев воздержания срывалась и тратила последние деньги на самое дешевое пойло. Было бы неплохо обвинить проклятие в том, что оно вынуждает отчима орать по ночам и разносить кулаками стены. Тогда не пришлось бы никого уговаривать обратиться к наркологу, выливать спиртное в раковину и убирать блевотину по утрам. Черновед решил бы все проблемы.

Егор горько вздохнул. Проклятия не были причиной проблем его семьи. Мечников, точно прочитав его мысли, дружелюбно похлопал по плечу.

– Как ни называй эти напасти, черноведы помогают от них избавиться, – сказал он. – Мы в какой-то мере тоже врачи. Только боремся с болезнями малоизученными и потусторонней природы. Каждый раз приходится разбираться, почему человек заразился проклятием, в чем оно проявляется и как эту гадость убрать. Я старался описать в Книге Тревог то, с чем сталкивался лично.

– Кто-то за это платит? – усомнился Егор.

– И немалые деньги. Я знаю бывших черноведов, владеющих сетями ресторанов или торговыми центрами. Они отошли от дел, когда скопили достаточно. Не хочу никого судить, но их мышление мне не по нраву. Слишком много алчности, слишком мало сострадания. Как считаешь, правильно ли отбирать последнее у человека, находящегося в безвыходном положении?

– Почему-то я представил себе врача, который говорит: «Заплати или лечись сам». То есть без денег ты умрешь. Стремный выбор, – поморщился Егор.

Мечников кивнул.

– Так и есть. Поэтому другие черноведы ставят на первое место зараженного проклятием, а не деньги. Для них нет ничего важнее помочь другому. Мало их осталось, но каждый посчитает за честь работу с ними.

– И вы...

– Нет-нет, я не могу отнести себя к первым или вторым, – грустно улыбнулся Мечников. – Мне нравится помогать людям. Но гораздо больше мне нравится ощущение того, что я очищаю мир от противоестественной заразы. Проклятия не только причиняют невыносимые страдания, но иногда порождают другие несчастья, губят деревни, города. Вызывают новые, еще более страшные проклятия. Это злая сила, границы которой нам неведомы. Как вечно растущая и всепожирающая опухоль. Я бы с радостью уничтожил ее, даже ценой собственной жизни. А получается только отрезать мелкие кусочки.

В его словах был смысл, была своя логика. И в то же время сказанное так отличалось от привычной картины мира, что мало кто смог бы принять это на веру.

– Почему тогда о черноведах никто не знает? – осенило Егора. – А проклятия воспринимают... как сказки. Типа, на самом деле их не существует. В сети полно роликов на эту тему: о проклятии Тутанхамона или «заброшках» с призраками. Только это все на уровне рептилоидов и снежного человека.

– Хороший вопрос. Мы не любим выставлять себя напоказ. Понтоваться, как любят говорить парни твоего возраста. Ты, наверное, хорошо представляешь, как в обществе относятся к гадалкам, знахарям, колдунам или экстрасенсам. И не зря, ведь они паразитируют на несчастьях и редко могут оказать настоящую помощь. Для обычного человека черновед – это нечто из той же оперы. Можешь представить себе баннер с рекламой услуг по избавлению от проклятий? Как же нелепо он будет выглядеть! – усмехнулся Мечников. – Что касается видеороликов со свидетельствами проклятий... Скажем так, потустороннее плохо дружит с современными технологиями. Ты в этом убедишься на сто процентов.

– Ладно, я вижу, что вы не прикалываетесь. Вы правда верите в... проклятия, потусторонние силы и прочую дребедень, – с сомнением произнес Егор. Секундой позже он поспешно добавил: – Извините, если слишком грубо.

– О, ничего страшного. Продолжай.

– Знаете, давным-давно бабушка привела меня в церковь и попыталась объяснить, что такое Бог. Вышло так себе. В основном на все мои вопросы она отвечала, что Бог всемогущ и всеведущ, а его пути неисповедимы. Я так и не понял, почему он не может явиться во плоти или дать четкий знак, чтобы я увидел и тут же уверовал. Для меня этого было бы достаточно на всю жизнь. Да для любого из нас, наверное. Но как бы я ни просил, ничего подобного не произошло. Поэтому с верой у меня не задалось. Понимаете, о чем я?

– Тебе нужны доказательства. Весьма разумно. – Наклонил голову Мечников. – Я и не ждал, что ты поверишь мне на слово. Поступи ты иначе, я бы разочаровался. Если уж на то пошло, до сих пор помню, как сам отреагировал в первый раз. Фыркнул, отмахнулся. Едва не высмеял человека перед знакомыми. Обещаю, доказательств будет предостаточно. Можно начать прямо сейчас – с книги, которая лежит у тебя на коленях.

Егор уставился на картинку с Потомственным проклятием смерти. Потом вновь повернул голову к Мечникову:

– Библию я тоже видел не один раз. Если вы понимаете, о чем я говорю.

– Как насчет того, чтобы сфотографировать пару страниц на свой телефон? – Мечников проигнорировал фразу насчет Библии.

В данных обстоятельствах просьба прозвучала странновато. Помедлив немного, Егор занес телефон над книгой, включил камеру, однако она упорно не желала фокусироваться. Изображение на экране скакало и оставалось размытым. Кнопки не реагировали на прикосновения.

– Почему-то все заглохло, – отозвался Егор. – С утра камера работала нормально. Только не говорите, что мне придется покупать новый телефон!

Мечников издал короткий, но довольный смешок. Он явно знал, что должно было произойти. Егор потряс телефон, перевел камеру в режим посекундной съемки и сумел отснять несколько кадров. Все они получились испорченными: страница выглядела размытым пятном или набором квадратов, как в плохо оцифрованном фильме. Прочитать строчки или разглядеть рисунок было невозможно.

– Это... Это какой-то фокус, – пробормотал Егор. – Допустим, в книгу встроено излучающее устройство... Или все-таки камера сломалась? Нет, сдаюсь. В чем секрет?

– Как я сказал, сверхъестественное плохо дружит с современными технологиями, – невозмутимо ответил Мечников. – Однажды мне пришлось работать с проклятыми, потерявшими контроль над собственными конечностями. Они ходили, спали и питались с большим трудом. Тяжело съесть что-либо, если рука вместо ложки хватает нож и направляет его острием в тебя. Один из проклятых, еще до моего прибытия, погиб, выбросившись из окна. Свидетели хором уверяли, что он отчаянно вопил, изворачивался, однако разбил стекло и вышел с десятого этажа. Вернее, его вынесли ноги, которые словно обрели собственную волю. Я просмотрел видеозапись того случая. Знаешь, что увидел?

– Ничего?

– Я видел, как тот человек встал из-за стола с ошеломленным выражением лица. Он явно не верил в то, что окончательно потерял контроль над телом. Его конечности стали дергаться, как у одержимого. Затем неожиданно пошли помехи, сквозь которые невозможно было что-либо разглядеть. Изображение нормализовалось лишь к тому моменту, когда парень выпал из окна. Свидетели успели заметить, что их телефоны чудили, хотя потом заработали как прежде.

– И так каждый раз?

– Да. Это какая-то закономерность, которую черноведы объяснить не могут, но охотно используют в своей работе. Электроника, особенно новейшая, здорово помогает найти проклятых людей, вещи или источник потусторонней силы.

Егор провел по обложке книги ладонью. Получается, она тоже была проклятой? Не опасно ли держать ее на коленях? Нет, тогда бы Мечников предупредил.

Загадочный старик с загадочными историями. Причин обманывать у него не было, если он, конечно, не тронулся головой. Чем подтверждались его рассказы? Сбоем в камере телефона, непонятными надписями внутри машины и сомнительными иконами. И Книгой Тревог, полной секретов. Не так много для того, чтобы признать существование потусторонних сил в привычном мире.

– Давайте так. Я все еще не верю, но поверить готов, – признался Егор. – Только, если увижу проклятого или проклятие своими глазами. Тогда смело можете вербовать меня хоть в святую инквизицию и отправлять в бой.

Мечников нервно крутанул шарик четки.

– Проклятый ждет нас, – задумчиво произнес он. – Прямо сейчас. Но верит моим словам ничуть не больше тебя.

12

В сияющем чистотой холле клиники «Бриз» было немногочисленно – к огромному облегчению Ольги. Если бы она увидела сквозь стеклянные двери очередь – да хотя бы двух или трех ожидающих приема посетителей – то, не раздумывая, бросилась бы домой, несмотря на все увещания Юрки. Правда, неизвестно, чем бы закончилась эта затея, поскольку бегство от людей подразумевало контакт еще с большим количеством людей: в метро, на остановках, на тротуарах или в подъезде собственного дома, жители которого наверняка точили на нее зуб за... за что угодно.

«В какой момент бегство стало для меня приемлемым? – недовольно подумала Ольга, минуя любезно открытые Юркой двери. – Не думала, что докачусь до этого».

Холл подкупал своей изысканностью и просторами. Собственник «Бриза» определенно не пожалел средств: поставил мягкие кожаные диванчики и кулеры с водой, установил фонтан в форме золотой рыбки, выпускающей струю воды, и включил успокаивающую музыку. На стенах висели грамоты и благодарственные письма, подчеркивающие исключительный профессионализм сотрудников. В воздухе витал аромат свежей хвои.

Единственным посетителем был пожилой мужчина, который побрел от стойки регистрации как раз тогда, когда в холл вошли Ольга с Юркой. Молодая брюнетка в белом халате сверилась с записями в компьютере, поколдовала с клавиатурой и предложила пройти к кабинету психотерапевта.

– При таких ценах у вас должны быть лучшие врачи в городе, – присвистнул Юрка, глядя на прейскурант.

– Не могу прокомментировать цены, но врачи действительно хорошие, – ослепительно улыбнулась брюнетка.

– Не ты ведь платишь, – буркнула Ольга, увлекая Юрку за руку.

Брюнетка действовала ей на нервы своими длинными ногтями, похожими на аляповатые сосульки. Пройдя по коридору, обставленному неизменными кожаными диванчиками, Ольга оглянулась на стойку регистратуры и прошептала:

– Видел, как она злобно на меня зыркнула? Улыбнулась так, будто какой-нибудь клоун из фильма ужасов. И для чего ей такие когтищи? По кнопкам-то не попадет.

– Милая, все было совсем не так. Она общалась с нами, как с обычными посетителями. А ногти у нее чуть больше твоих.

– Хочешь сказать, что мне снова привиделось? – подозрительно прищурилась Ольга. – Или ты с ней заодно?

Юрка похлопал глазами и поднял руки вверх в успокаивающем жесте. Его нелепые оправдания прервал сигнал табло электронной очереди. Повертев головой, Юрка с явным облегчением на лице выдавил:

– Твой номер, милая. Позволь мне открыть дверь.

Ольга замерла, не решаясь переступить порог кабинета. Однако из холла послышались голоса, означающие, что прибыло еще несколько посетителей (и любой из них мог оказаться тем, кто затаил на нее обиду), поэтому, затаив дыхание, она вошла в кабинет.

Ее взору предстало чистое помещение, оформленное в светлом скандинавском стиле. Стол, шкафы и кушетка сияли белизной, словно их натерли после каждого пациента. Из окна открывался умиротворяющий вид на сад с фигурками из камней и ухоженными сиренями. На стене висел ободряющий плакат с надписью: «Вы делаете важный шаг к полной жизни».

За столом сидел психотерапевт – молодой, но уже стремительно лысеющий мужчина в очках. Он поздоровался и предложил присесть. Напротив стола располагался стул с широкой спинкой, справа – кушетка с маленькой подушкой. Ольга растерялась:

– Где лучше расположиться?

– Как вам удобнее, – вежливо улыбнулся психотерапевт.

Кушетка выглядела соблазнительно, но Ольга не горела желанием разлеживаться перед незнакомым человеком, даже если он был врачом. Это явно отдавало слабостью: позиция подчинения, превозношения мужчины и признания собственного бессилия. Если продолжать в том же духе, можно не рассчитывать на роль руководителя и в самой захудалой компании. Ольга села на стул – села с выпрямленной спиной и горделиво поднятым подбородком. Она не представляла, с чего начать и как должен проходить процесс психотерапии, но продемонстрировать волю и уверенность не помешает. Пусть знает, с кем имеет дело.

– Меня зовут Константин Иванович, – произнес психотерапевт мягким, вкрадчивым голосом. – Расскажите, что вас беспокоит?

– Разве вы не будете давать мне опросники или что-то в этом роде? Измерять давление? Надевать на голову какое-нибудь устройство? – осведомилась Ольга.

– Если вы будете настаивать, – пошутил Константин Иванович. – Правда, психотерапия – это прежде всего разговор. Не обычный, а лечебный. Вы удивитесь, когда узнаете, насколько полезной может оказаться беседа. Понимаю, что поначалу трудно раскрыться перед незнакомым человеком...

– Еще бы!

– Просто начните с чего угодно. Хоть с погоды за окном. Обещают дожди всю неделю. Вы любите дожди?

Слово за слово, Ольга принялась рассказывать о неуверенности, которую впервые за долгое время испытала несколько дней назад на работе. Она всем сердцем хотела показать, что проблема не такая уж серьезная, однако, когда стала описывать панические атаки, случавшиеся с ней при контакте с людьми, то не выдержала и расплакалась. Константин Иванович внимательно слушал, иногда задавал уточняющие вопросы или произносил слова поддержки.

У Ольги складывалось ощущение, что психотерапевт понимает ее проблемы и тревоги лучше, чем кто-либо другой. Она ударилась в травмирующие воспоминания о школе, Дылде и враче, который прописал ей таблетки. Разговор и слезы заставили ее почувствовать легкость – свободу от фобии, пусть на короткое время. Услышав о таблетках, Константин Иванович задумчиво погладил лысину и спросил:

– Сейчас вы бы хотели справиться с проблемой при помощи лекарств или без них?

– Я не уверена, – покачала головой Ольга. – Почему вы спрашиваете? Все настолько плохо?

– Нет, нет. Я не только психотерапевт, но еще и врач-психиатр, поэтому разбираюсь в медикаментозном лечении и, самое главное, имею право выписывать рецепт. Вопрос в том, насколько лекарство необходимо именно вам? Разумеется, ничего сильного я не пропишу – не вижу для этого показаний.

Ольга задумчиво уставилась в окно за спиной врача. Антидепрессанты, транквилизаторы – еще одна форма слабости. Тяжело осознавать, что организм не может справиться с болезнью без пинка под задницу.

– Может, порекомендуете что-то на крайний случай? – решила она. – Вдруг все станет еще хуже... Какое-нибудь успокоительное, я не знаю...

Константин Иванович пристально взглянул на нее.

– Давайте так, – сказал он. – Я выпишу рецепт для слабого успокоительного без побочных, вроде мышечного тремора или повышенной утомляемости. Взамен вы пообещаете принимать его только в том случае, если не заметите эффекта от психотерапии. А ее, хочу заверить, мы еще только начали. Готовы ли вы дать мне такое обещание?

– Готова, – кивнула Ольга после непродолжительной паузы.

Константин Иванович выдвинул ящик стола и зашуршал бумагой. Затем извлек на свет желтоватый листок, ручку и ножницы. Переложил их с места на место, и обратно. Взгляд врача странным образом изменился – стал отсутствующим, неживым. Быстрые и уверенные движения по какой-то причине стали дерганными, как у марионетки. Ольга с тревогой заметила, что психотерапевт взял ножницы, провел пальцем по лезвию. Криво ухмыльнувшись, поднес их к уху и пару раз щелкнул: чик-чик.

– Что-то не так? – тихо спросила Ольга. – Вы, кажется, хотели выписать рецепт?

Константин Иванович пробормотал что-то неразборчивое в ответ.

– Простите? – Ольга сжала края кресла до боли в пальцах. – Зачем вам ножницы?

– Чтобы отрезать твой поганый язык, паршивая сука! – закричал психотерапевт, вскакивая с места.

Первые несколько секунд Ольга не могла пошевелиться. Просто не верила своим глазам и ушам, а какая-то ее часть продолжала считать, что перекошенное от злобы лицо психотерапевта – такой же плод параноидальной фантазии, как ненависть окружающих ее людей. Когда лезвие ножниц просвистело перед носом, Ольга взвизгнула и с силой оттолкнулась ногами от стола, едва не перевернувшись на спину.

– Надоело бояться каждого шороха? – процедил Константин Иванович, перелезая через стол. – Я дам тебе настоящий повод! Жаль, ненадолго!

Выставив ножницы вперед, он медленно приближался к Ольге. Веревка бейджа с фотографией, фамилией и должностью перекрутилась у горла. Губы разошлись в кривой улыбке, обнажив ровные маленькие зубки. Глаза бегали из стороны в сторону, как у обдолбанного наркомана.

Ольга пятилась, неустанно озираясь в поисках выхода или средства защиты. Еще пара секунд, и она упрется в стеллаж с книгами. Дверь, ведущая в коридор, находилась в стороне, в паре метров. Можно было рискнуть развернуться и выскочить наружу, но стоит замешкаться, как лезвие ножниц тут же вопьется в спину.

Он ведь спятил, этот психотерапевт. Рехнулся. Наслушался всяких отклонений и не выдержал. Его ничуть не заботит то, что такое явное и жестокое убийство обеспечит ему долгие годы за решеткой.

«Только глянь на его улыбочку – пронеслось в голове Ольги. – Господи».

Пока она судорожно соображала, бежать ей, защищаться или кричать о помощи, Константин Иванович подбирался все ближе. Он как будто растягивал удовольствие, намереваясь подольше поиграться с жертвой. Или сам не вполне понимал, что делает.

Его движения заставили Ольгу вспомнить об Эдике – бездаре из отдела продаж. Тот играл канцелярским ножом и злобно ухмылялся, представляя, как вспорет им плоть.

Константин Иванович мало чем от него отличался. Рука с зажатыми в ней ножницами выделявала волнообразные движения в такт невидимой музыке: нырок вниз, подъем вверх.

Лезвие коснулось веревки бейджа. Короткий смешок психотерапевта, шелчок ножниц – прямоугольная карточка с фотографией упала на пол.

– Я чувствую себя художником, а не целителем, – выплевывал слова Константин Иванович. – Иди ко мне, полотно. Я распишу тебя красным-красным-красеньким!

Психотерапевт выбросил руку с ножницами вперед, намереваясь пырнуть Ольгу. Она с воплем юркнула в сторону. Лезвие лишь задело ее руку и вонзилось в дверцу шкафа. Константин Иванович разочарованно крикнул. Ольга помчалась к двери, вопя во весь голос:

– Помогите, помогите! Он меня режет! Юр, сделай что-нибудь! Вызови полицию!

Она выбежала в коридор и почувствовала, как чья-то сильная рука схватила ее за плечо. Ольга задергалась, попыталась лягнуть ногой, но прекратила попытки вырваться, как только услышала хорошо знакомый голос:

– Успокойся, милая, это я. Не кричи, все в порядке.

– Ни в каком не в порядке! – взвизгнула она, уставившись широко раскрытыми глазами в сторону кабинета. – Он пытался меня зарезать! Колол ножницами и хохотал! Еле убежала! Говорила ведь, что мне не кажется! Говорила!

Юрка сочувственно посмотрел на нее, потом бросил короткий взгляд в сторону холла, словно проверяя, сколько людей стали свидетелями выходки супруги. Еще бы извиняться начал!

– Да о чем ты говоришь? – спросил он. – Я слышал только твои крики.

Вместо ответа Ольга ткнула пальцем в сторону кабинета психотерапевта. В дверном проеме показался Константин Иванович со смущенной улыбкой на лице. Его бейдж был в полном порядке – аккуратный прямоугольник на синей веревке. Вместо ножниц рука сжимала шариковую ручку и чуть помятый рецепт.

– Полагаю, вы сейчас не готовы продолжить разговор? – К голосу Константина Ивановича вернулись мягкие, вкрадчивые интонации.

– Он... Он... – Ольга боролась с желанием рассказать все о нападении, но вид психотерапевта сбил ее с толку. Столь интеллигентный, скромный и спокойный человек просто не мог угрожать ей ножницами минуту назад. И уж точно веревка бейджа не обладала способностью к регенерации.

– Вы сможете записаться ко мне или любому другому психотерапевту, когда решите, что готовы. – Константин Иванович тепло улыбнулся и протянул желтоватый листок. – Вот, возьмите рецепт на успокоительное. Если почувствуете, что оно не помогает, не стесняйтесь обращаться за помощью.

Словно во сне, Ольга поблагодарила Константина Ивановича, взяла рецепт и направилась к выходу. Юрка брел рядом, обнимая ее за плечи и приговаривая, что все наладится. Ольга бы не поверила, даже если бы он перестал заискивающе улыбаться другим посетителям. Ее голова пыталась переварить то, что произошло в кабинете психотерапевта, однако самым правдоподобным объяснением было умственное помешательство.

«Ранняя деменция или шизофрения – одно лучше другого, – подумала Ольга. – И то, и другое предвещает короткую и весьма грустную жизнь. Даже Юрка не выдержит и уйдет после пары месяцев мучений. Винить его не стану. Зато ему не придется за меня оправдываться».

При выходе из клиники она задела плечом дверной проем и вздрогнула от боли, хотя удар получился совсем слабым. Ольга взглянула на руку и увидела тонкую кровяную полоску, просочившуюся сквозь ткань блузки. Как раз в том месте, где ее полоснул ножницами психотерапевт.

13

Ника лежала на кровати в своей комнате и просматривала ленты социальных сетей: отпуск друзей на море, жизнеутверждающие посты о любви, навязчивая реклама. Мысли ее против воли возвращались к Теплым ручкам. Хотела бы она не думать о нем вовсе! Хотела бы

удалить воспоминания, как с жесткого диска, а еще лучше – прожить жизнь заново так, чтобы никогда с ним не встречаться. Прошел день с момента появления (или видения) почившего дяди Вити перед дверным глазком, а Ника так и не смогла заставить себя выкинуть этот эпизод из головы. Ночью пришли кошмары с ожившими мертвецами, гнавшимися за ней по улицам опустевшего города. Каждый раз, когда разлагающиеся пальцы дотрагивались до Ники, она резко просыпалась и всматривалась в темноту комнаты. Прелесть кошмаров в том, что обычно они исчезают при пробуждении, если и оставляя след, то совсем тонкий, почти неощутимый. Легкая парасомния, как наверняка сказали бы профессора с кафедры психологии, и непременно ударились бы в дискуссию о причинах. Для Ники причина была очевидной: дядя Витя с похотливой улыбкой и вездесущими пальцами.

Четыре года назад он упал на асфальт перед собственным домом, сраженный сердечным приступом. А еще через несколько дней скрылся под плотным слоем земли, навсегда унеся с собой постыдные тайны, и чудесным образом сохранив репутацию семьянина, волонтера и талантливого школьного учителя.

Ника безуспешно пыталась рассказать родителям о том, как дядя Витя, подвыпивший после семейных посиделок, приходил к ней в комнату и присаживался на краешек кровати.

«Спишь?» – неизменно спрашивал он.

Ее ответ не имел никакого значения. Ника знала, что последует дальше.

«Мои руки такие теплые, – говорил дядя Витя. – Сейчас, сейчас. Тебе будет приятно».

Он запускал руки под одеяло и шарил, поглаживал. Иногда больно щипал, если Ника начинала сопротивляться. От дяди Вити воняло спиртом и табаком. Комната, казалось, сжималась до невероятно малых размеров, а проблески света меркли во тьме. Ника не понимала, что он хочет, и что от нее требуется, но терпела. Ведь если дергаться или плакать, то Теплые ручки мог залезть прямо на нее и зажать рот. Тогда Ника боялась, что задохнется.

Рано или поздно мучение заканчивалось: дяде Вите надоедало ее трогать или голоса за дверью раздавались слишком близко. Он вставал, ронял небрежное: «Тебе пора спать, мелкая девка», и выходил из комнаты. Тогда, наконец, можно было заплакать.

Мама отказывалась верить девятилетней дочери. Говорила, что маленькая Ника просто привлекает к себе внимание всякими рассказами. Отец же вовсе отмахивался, не желая слушать мерзопакостные выдумки про собственного брата – уважаемого и известного педагога.

Так Ника поняла, что взрослые тоже боятся – боятся обрушить хрупкие представления о собственной жизни и репутации близких. А ей предстояло терпеть или справляться с поползновениями Теплых ручек самостоятельно. Наверное, с тех пор Ника и не могла избавиться от ощущения одиночества, даже в присутствии других людей. Что толку от лишних ушей, если тебя все равно не слышат?

Кошмар наяву продолжался пять лет. Дядя Витя не собирался его прекращать, напротив, домогательства приобретали все более открытый и навязчивый характер. Иной раз он мог поймать ее прямо в школе, чтобы «проверить» форму, если никто из учеников или учителей не смотрел. Ника прибегала к помощи подруг или шла на хитрость, отпрашиваясь с уроков раньше на десять-пятнадцать минут, но это срабатывало не всегда. У Теплых ручек было сверхъестественное чутье на те моменты, когда она оставалась в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.